

Ирина Сабенникова

В демисезонном
пальто
и шляпе

Рассказы

Ирина Сабенникова

В демисезонном пальто и шляпе

«У Никитских ворот»

2025

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Сабенникова И. В.

В демисезонном пальто и шляпе / И. В. Сабенникова — «У
Никитских ворот», 2025

ISBN 978-5-00246-406-7

«В демисезонном пальто и шляпе» – новая книга Ирины Сабенниковой, где реалистические рассказы перемежаются с короткими сюрреалистическими эссе, лирическими и философскими новеллами автора, создавая многомерный композиционный рисунок книги с присущей автору поэтической ритмикой текста.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00246-406-7

© Сабенникова И. В., 2025
© У Никитских ворот, 2025

Содержание

В демисезонном пальто и шляпе	6
Никогда ничего не проси	6
И в пролёт не брошусь	8
В демисезонном пальто и шляпе	12
Травник	15
Муха	18
Готическая история из жизни современного человека	19
Жива ли я	22
Субстанция мечты	25
Школьный вальс	27
Контур, оставленный на асфальте	31
«Кто ты будешь такой?»	33
Концерт Шуберта	36
Колька +	37
Горошина	40
Железнодорожный перегон	41
Родная кровь	43
Портрет любимой женщины	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Вячеславовна Сабенникова

В демисезонном пальто и шляпе

*Сквозь боль сомнений загребу веслом событий
воду чужих ощущений,
Пусть мир ликует и бьется в моей груди пестрым
щеглом,
и поёт, и плачет, и хочет вырваться из силков любви.
Что мне до того, когда моя печаль и радость пульсируют
синей жилкой на твоей руке, загребавшей веслом
воду отношений в реке событий,
спеша туда, где бьется щегол моего сердца, в силках
одиночества,
не умея понять, что это и есть любовь*

© Сабенникова И.В., 2025

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2025

В демисезонном пальто и шляпе

Никогда ничего не проси

Никогда ничего не проси: хуже будет. Живи и радуйся, что ничего не знаешь. Зачем тебе лишние тревоги, всё равно же ничего сделать не сможешь, чтобы изменить, обойти стороной, жить иначе. Особенно не проси в предрассветной тишине. Слишком много в твоей голове непрошенных мыслей и тревог, вдруг услышат не ту, а как исполнится, что тогда? В голове неразбериха, сердце стучит – тук-тук-тук – нервно и тревожно, оно же человеческое сердце, не готово к таким перегрузкам. Ну, там, влюбиться, поплакать, пожалеть, а тут судьба, и ничего-ничего от тебя не зависит, просто понимаешь – так будет. Инга Николаевна всё это знала, точнее не знала, а чувствовала.

В то утро она проснулась часа в четыре – ни то ни сё: вставать рано, да и не хочется, впереди целый день, встанешь – будешь потом на работе носом клевать. А заснуть не получается, и мысли в голову лезут тревожные о том о сём. Вот она и попросила, как в детстве, ангела-хранителя приоткрыть для неё щелочку. Просьба эта тут же затерялась среди всяческой мишуры недодуманных женских мыслей. А когда она ненадолго всё же забылась сном, то ответ пришёл совсем неожиданный и к её просьбе никакого отношения не имевший.

Размеры комнаты, в которой она оказалась, Инга Николаевна определить не могла: довольно тесно стояли вокруг неё люди. Людей этих большей частью она знала, лица были узнаваемы. Все чего-то ждали. Инга Николаевна стояла перед столом, большим, заставленным колбами, ретортами и ещё чем-то, название чего женщина не знала, да это было и неважно. По другую сторону стола находился некто. По характерной сутулости, немного растерянному близорукому взгляду и словно забрызганным известью волосам женщина узнала коллегу.

– Надо же, никак не ожидала, – удивилась Инга Николаевна, глядя в бледное лицо немолодого девственника. – Божий человек, не зря, верно, имя ему дали.

Тот, почувствовав её взгляд, поднял глаза, будто извиняясь за то, что привлёк теперь её внимание, и, взяв со стола узкий конусообразный сосуд, начал наливать в него зеленоватую жидкость.

«На огуречный лосьон похожа», – мелькнула в голове ассоциация из какого-то далёка и исчезла: жидкость была более плотной и по консистенции больше походила на ликёр «Бенедиктин». Как наливавшему удавалось попадать широким половником в узкое горлышко сосуда, не пролив ни капли, было непонятно. Наполнив доверху конусообразный сосуд и закрыв тот такой же конусообразной стеклянной крышечкой с дозатором, человек протянул сосуд Инге Николаевне.

– Это моя судьба.

Понимание возникло само собой, как нечто естественное, и ничуть не удивило женщину. Она протянула руку, но то ли наливавший был неловок, то ли сама Инга Николаевна – сосуд выскользнул. Женщина подхватила его, но тонкое горлышко уже откололось, и часть жидкости выплеснулась на стол. Инга Николаевна глянула на свою ладонь, ощущавшую приятную прохладу зеленоватой жидкости, дотронулась большим пальцем до нежно-зелёных осколков, точно проверяя, не острые ли они. Происшедшее её почему-то не беспокоило, хотя она чувствовала, как напряглись все те, кто находился в комнате.

– Что же Вы ждёте? Возьмите другой и наполните его доверху, пожалуйста, – произнесла она совершенно спокойно, обращаясь к сутулому ангелу.

Женщина стряхнула с руки осколки и протянула надколотый сосуд стоявшему по другую сторону стола. Тот мгновение помедлил, точно эта пауза была нужна для того, чтобы не нару-

шить ритм происходящего, потом взял из рук Инги Николаевны стеклянный сосуд, перелил его содержимое в другой, долил из котла ровно столько, чтобы сосуд оказался полон, и вернул ей.

Инга Николаевна открыла глаза. Сквозь прикрытые жалюзи в комнату просачивался слабый утренний свет, менявший контуры предметов и делавший их неузнаваемыми.

«Вот странно», – подумала женщина, разглядывая свои руки. Она уже начала понимать, что то, что с ней случилось, происходило во сне, однако некоторое тягостное чувство от произошедшего оставалось.

– Разбить вдребезги собственную судьбу, это надо же! Что только не приснится...

Инга Николаевна потянулась, рассеянно глянув в окно. Солнце, скрывавшееся за громадой соседних домов, вдруг поднялось, выбросив вверх сноп света. Солнечный луч ударил в окно, проскочил меж жалюзи, прошёл сквозь стоящую на подоконнике вазу с цветами и отбросил на одеяло зеленовато-прозрачную тень, в складках пододеяльника напомнившую ей реторту.

И в пролёт не брошусь

Леонид сидел за письменным столом и смотрел в окно. Там буйствовала зелень, и жёсткие тополиные листья при каждом порыве ветра бились в стекло, мешая сосредоточиться. Он давно уже сидел над хитрой математической задачей, но та никак не давалась, хотя решение было где-то совсем рядом.

Зазвонил телефон.

– Черт знает что! – Леонид зло глянул на мобильник. На экране высветился номер Мишки Зотова, одноклассника. Нехотя взял трубку – решение задачи опять от него ускользало.

– Привет! – Мишка был возбуждён, говорил отрывисто, не заботясь о том, что его могут не понять. – Не забыл? Завтра встречаемся.

– Чего вдруг? – удивился Леонид. С одноклассниками он встречался редко, больше перезванивался. Да это и понятно: школу кончили давно, у всех свои интересы, как говорится, жизнь развела.

– Как чего, завтра же юбилей! Забыл, что ли? Двадцать лет, как... Мы же договаривались...

Леонид почесал небритый подбородок, припоминая, что действительно ведь договаривались встретиться через двадцать лет, но это когда было...

– Ты что, в самом деле думаешь, что кто-то придёт? – спросил он.

– Ну конечно, я уж и обзвонил многих. Девчонки придут...

– Девчонки, – фыркнул Леонид, – шутишь...

Он вдруг представил себе этих девчонок – пополневших, озабоченных.

«Зачем мне это?» – мелькнула мысль, но завершить её не дал Мишка.

– Брось ты это, ты, что ли, помолодел? Не в том же дело, мы с юностью своей встретимся, понимаешь, с юностью! – Мишка почти орал в трубку.

– Нет, не пойду, дел много, – зло отозвался Леонид, прерывая восторженный поток Мишкиного славословия.

– Ну как хочешь, – вдруг совершенно спокойно произнёс тот, – дело твоё. Привет-то от тебя передать?

– Кому? – не понял Леонид, в голове опять вертелась чёртова задача.

– Ей, забыл разве? – Мишка хмыкнул и вдруг процитировал: – «И в пролёт не брошусь, и...»

Тишина в телефоне означала, что он попал в точку.

– Она будет? – голос Леонида стал глух и натянут, точно кожа на барабане.

– Ну да, будет, – Мишка выдержал паузу и сообщил: встречаемся перед школой в шесть. В трубке раздались короткие гудки.

«Она будет, она будет, она будет...»

Леонид прищурился, глядя на экран компьютера, где красовалась недописанная формула.

– «И в пролёт не брошусь, и не выпью яда...»

Она вошла в класс вместе с директором – новая учительница литературы или практикантка. До экзаменов оставалось несколько месяцев, и все уже думали, куда поступать и что делать после школы, а тут она со своей литературой.

– Как вы относитесь к Маяковскому?

– Шагист... Поэт без души... – раздались выкрики.

– Как это без души?! – возмутилась новая учительница. – А как же это? – И она прочла: – «И в пролёт не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать. Надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа...» Или вот это: «Послушайте!

Ведь если звёзды зажигаются, значит, это кому-нибудь нужно, значит, кто-то хочет, чтобы они были...»

Класс притих.

– Маяковский был настоящим поэтом и любил по-настоящему, – убеждённо говорила новенькая учительница, этой своей убеждённостью заражая весь класс.

Лёнька весь урок не сводил с неё глаз: небольшого росточка, худенькая, а глаза большие и удивлённые.

Её появление что-то в нём перевернуло, что-то неясное и большое зрело в нём. И всё время перед ним были эти удивлённые глаза.

Потом состоялся довольно необычный урок, где литераторша каждому предложила прочесть то из стихотворений, которое нравилось больше других, и Леонид стал читать «Кармен» Блока.

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно – я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Читал он страстно, почти отчаянно, а прочёл – оглянулся на замерший в изумлении класс и вышел. Одноклассники смотрели на него, точно он голый перед ними стоял.

– Что же Вы из класса ушли? Вы так хорошо читали, – учительница нашла его после уроков. – Так может читать только остро чувствующий человек, очень эмоциональный, – старалась она ободрить ученика.

– Я Вам читал, не им! – выпалил Леонид с обречённостью человека, которого не понимают.

– Спасибо... Но уходить-то зачем?

– Так все же поняли, – он запнулся, – кроме Вас...

– Что поняли? – переспросила та, вероятно, думая о чём-то своём.

– Что я Вас люблю!

Он сильно вытянулся за лето и теперь смотрел на учительницу сверху вниз, так что она должна была поднять на него глаза.

– Зачем Вы так? Вы же ещё маленький... – с упреком произнесла она, хотела ещё что-то сказать, но не успела.

– Это я маленький?! – он вспыхнул от обиды.

– Ну в смысле того, что ещё не понимаете значения этих слов, которые только что произнесли...

– Наталья Станиславовна, зайдите ко мне, – окликнул учительницу появившийся откуда-то директор.

– Извините, – учительница опустила глаза и отошла, так и не закончив фразы.

На школьном выпускном вечере Лёнька не танцевал, он был мрачен и явно тяготился вниманием одноклассниц, которые пытались его расшевелить. Когда объявили прощальный вальс, Леонид пригласил на него учительницу литературы. Танцевал он хорошо, недаром три года ходил на занятия хореографией, вёл свою партнёршу легко. Она улыбалась немного грустно и рассеянно, как улыбаются женщины, которые не знают, что сказать. Потом они вышли во двор школы. Ночь так и не наступила, были июньские прозрачные сумерки.

– Ну вот Вы и закончили школу, теперь...

Леонид не слушал её, он наклонился и неловко ткнулся губами сначала в её щёку, потом в стройную тонкую шею.

– Вы с ума сошли, сейчас же ребята выйдут, – учительница испуганно отстранилась.

Послышались громкие возбуждённые голоса – вечер закончился, и выпускники, не решаясь разойтись по домам, наперебой предлагали, куда ещё можно пойти гулять.

– Нет, не пойду. Зачем мне всё это, да ещё теперь? – решил мужчина, выключая компьютер. – Сколько ей сейчас? Сорок, сорок пять? Да уж, какая там романтика, располнела, наверное, расплылась... К чёрту!

Утром Леонид проснулся с полной уверенностью, что ни на какую встречу с одноклассниками он не пойдёт. Но когда настенные часы пробили пять, встал из-за стола, оделся и вышел из дома.

Перед школой уже маячил Мишка, пришедший раньше всех.

– Хорошо, что пришёл, а то как-то не по-товарищески.

Во двор школы вошла полная женщина и вдруг, радостно взвизгнув, бросилась на грудь Леониду, обхватив крепкими руками его шею.

– Ой, Лёничка, сто лет не виделись. Какой ты стал!

Только по голосу он узнал Ленку, свою первую школьную любовь, и невольно смутился.

– А Милу узнаешь, Милу Решетникову? – тараторила Ленка, подталкивая к нему другую радостно улыбающуюся ему женщину.

«Какого ж чёрта я сюда пришёл? На что мне всё это?!» – досадливо думал Леонид, стараясь как-то отмотаться от одноклассниц и перейти к мужской компании, кучковавшейся несколько в стороне, но девочки его не пустили.

– Ты посмотри, какой стал, Ален Делон отдыхает!

– Лёнь, а ты где? Преподаёшь?

Тормошили они его с разных сторон.

– Здравствуйте! Я не опоздала? – голос учительницы литературы он узнал сразу и обернулся.

Перед ним стояла она, почти не переменившаяся, чуть более женственная, но такая же изящная и стройная.

– Здравствуйте, Наталья Станиславовна! – наперебой затараторили девочки, окружая уже прежнюю свою учительницу, которая выглядела моложе многих из них. – Как мы рады Вас видеть! А Вы всё здесь, в школе?

– Нет, я давно уже не преподаю, – улыбнулась та. – Пришла потому, что вы мой первый класс...

Она повернулась и, заметив Леонида, поздоровалась, улыбнувшись ему:

– Здравствуйте, Леонид. Вы возмужали, но, кажется, мало изменились.

– Вы тоже не переменились, – произнёс мужчина сдержанно.

Девочки, многозначительно переглянувшись, отошли к ребятам, собиравшимся посетить свой прежний класс.

– Вы не в школе, а чем же занимаетесь? – спросил он, стараясь перебороть возникшую вдруг застенчивость.

– Ну, – улыбнулась Наталья Станиславовна, – я жена. Примерная жена, – уточнила она, так же, как и он, испытывая неловкость от разговора. – А Вы?

– Я математик, – ответил он кратко, – преподаю.

– Математик? – искренне удивилась женщина. – Странно, я думала, Вы станете гуманистом. Вы интересовались литературой, историей да и стихи читали замечательно, я помню...

Леонид усмехнулся, ему давно никто этого не говорил, да и когда последний раз он кому-то читал стихи, пожалуй, и не припомнить.

– Помните что-нибудь? – спросила женщина, точно подслушав его мысли.

Её милая, то ли робкая, то ли нежная улыбка, небольшой румянец, вероятно, вызванный смущением, всколыхнули в нём что-то давно забытое, и он вместо того, чтобы вежливо отка-

заться – чего ради ему, кандидату математических наук, без пяти минут профессору, читать здесь, в школьном дворе, стихи? – вдруг прочёл:

– «Ты – как отзвук забытого гимна в моей чёрной и дикой судьбе...»

– Вы по-прежнему хорошо читаете. А ещё что-нибудь вспомните?

– «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» – начал он, чувствуя, что погружается в странное состояние безвременья. Леонид наклонился и поцеловал в губы стоящую перед ним женщину, поцеловал нежно, почти целомудренно.

– Не надо, – отстранилась она несколько запоздало. – Зачем?..

Из здания школы уже выходили одноклассники, они возбуждённо о чём-то спорили.

– А вы что здесь? Мы там в классе шампанского выпили за встречу, сейчас в ресторан идём, – объявил Мишка.

– Нет, спасибо, меня ждут. Я так, повидаться зашла. Веселитесь, вот и Леонида с собой возьмите, – сказала Наталья Станиславовна.

– Я Вас провожу.

Не обращая внимания на обиженные возгласы девчонок, Леонид взял бывшую учительницу под локоть и повёл в сторону улицы.

– Меня действительно ждут. Рада была повидаться с Вами, Леонид, – робко попыталась протестовать женщина.

– Кто же Вас ждёт? – спросил он, чувствуя, как досада, точно набившийся в ботинки песок, начинает разъедать его уверенность в себе.

– Муж. Я замужем и, в общем, счастлива. А Вы?

– Я тоже женат, – кивнул мужчина и зачем-то добавил: – Мы с женой друзья и даже единомышленники.

– Это хорошо, завидую, а я вот просто жена.

– Наташа, куда же ты пропала? Я уже двадцать минут жду.

От чёрной новенькой «Тойоты» отошёл мужчина, но, заметив Леонида, приостановился.

– Тебя провожают? Как это мило, ты ведь действительно могла заблудиться, – с лёгкой иронией произнёс он, без всякого стеснения разглядывая провожающего. – Ты нас не представишь?

– Мой муж Аркадий Семёнович, – произнесла Наталья Станиславовна спокойным ровным голосом. – А это мой прежний ученик Леонид.

– Какие, однако, у тебя ученики, – сыронизировал мужчина. – Но нам пора ехать, идём.

– Рада была встретиться с Вами, Леонид.

Женщина протянула руку на прощание. Леонид легко пожал маленькую ладонь и вдруг, повинувшись какому-то порыву, наклонился и поцеловал тонкое запястье.

В школу он уже не пошёл, вернулся домой. Включил компьютер, но работать не хотелось. Походил по комнате, раздумывая, правильно ли сделал, что вот так просто расстался с женщиной, которая ему очень нравилась, и, совершенно очевидно, он нравился ей не меньше. Потом вздохнул, достал из книжного шкафа томик Маяковского, полистал и, найдя нужную страницу, прочёл:

– «И в полёт не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать...»

В демисезонном пальто и шляпе

Церковь была небольшой, да и вышли они на неё случайно, за новыми домами её и видно-то не было – и вдруг такая красота. Ничего лишнего, тот, кто строил, знал, вероятно, суть.

– Да, красиво, ничего не попишешь... Но вот скажите, Вы что, в самом деле верите в божественную предопределённость, в ангелов, там, всяких?..

Сергей Петрович искренне не понимал, как такая разумная, образованная женщина, как Ида Николаевна, может верить во все эти религиозные бредни да ещё и на службу ходит.

– Да, верю. А Вы что же, хотите сказать, что не верите?

– Это ж средневековые! Современный человек верить во всё это не может. Нет, если бы я своими глазами того ангела увидел, тогда, возможно, поверил бы.

– Станный Вы человек. Неужели Вы никогда не чувствовали, что кто-то Вас предостерегает от каких-то поступков или, напротив, подталкивает к тому или иному решению?

Ида Николаевна, разговаривая со своим собеседником, продолжала смотреть на церковь, чудом сохранившуюся среди громадин современных зданий, бывает же такое.

– Не знаю, как Вам сказать... – Сергей Петрович замялся, словно припомнив что-то, потом спросил, то ли в шутку, то ли всерьёз: – А как бы, по-вашему, мог выглядеть ангел-хранитель?

Вопрос был неожиданным.

– Что значит «как выглядеть»?

– Ну что, у него крылья за спиной, балахон белый, нимб, там, или что ещё?

– Не знаю, я как-то об этом не думала...

Ида Николаевна была задета: она хотела преподать урок, а оказывается, что он своими дурацкими вопросами заставляет её конфузиться.

– Ваш-то ангел как выглядит?

Действительно ли Сергея Петровича интересовал этот вопрос, но вид у него был весьма заинтересованный.

– Вы серьёзно? – женщина пожала плечами. – Как же я могу знать, как он выглядит? Я же не беседую с ним за чашкой чая – только в мыслях. Впрочем, если хотите, то у каждого он таков, каким сам человек его может принять. Вот, например, у Вас он будет в пальто и шляпе, а у архитектора, построившего эту церковь триста лет назад, наверняка был в белом балахоне и с нимбом.

– В бежевом демисезонном пальто и серой мягкой шляпе с полями... немного помятой.

Эта странная деталь, слишком житейская для обсуждаемых ими материй, вновь привела Иду Николаевну в замешательство.

– Почему помятой?

– Не знаю, может быть, он на неё сел ненароком.

– Сел? Где же Вы с ним повстречались. Не в рюмочной ли? – в голосе женщины послышался сарказм.

– Нет, в кафе, здесь недалеко, в переулке.

– Почему Вы решили, что это был ангел, а не завсегдатай кафе? Как-то это странно.

– Вы же сами, Ида Николаевна, сказали, что мой ангел вполне бы мог носить пальто и шляпу. Вот я и вспомнил, не знаю почему, ассоциативное мышление, может быть, сработало.

– Станный Вы человек, Сергей Петрович. Только что отрицали существование ангелов – и тут же говорите, что встречались с ним, да ещё столь неординарным образом. Расскажите хотя бы, как это было.

– Рассказать? Да как это расскажешь, не знаю даже...

Видно было, что Сергею Петровичу и хотелось рассказать, и он опасается показаться банальным. Наконец мужчина решился, вздохнул – к прошлому возвращаться непросто – и произнёс:

– История, собственно, проста, даже и не история, а так, зарисовка.

Тут он снова замялся, вероятно, усомнившись, стоит ли продолжать, но всё же продолжил...

Мне тогда было около сорока, я был амбициозен, самолюбив, даже эгоистичен, и у меня был роман с женщиной. В тот день, а был паршивый ноябрьский день, как сейчас, сверху сыпалась снежная крупа, ветер пронизывал буквально насквозь – в общем, всё как положено в ноябре, и мне дали отставку. В первый раз, пожалуй... Женщина мне очень нравилась, но...

Вот шёл я по переулкам, на душе хуже не бывает – обида, ущемлённое самолюбие, злость, да бог знает что! Ещё эта крупа с неба... В общем, зашёл я в кафе, взял себе коньяка и что-то поест. Сiju, пью, но коньяк не берёт, только ещё и жалость к самому себе появилась.

Кафе маленькое, всего несколько столиков, и те на двоих. К моему столику подошёл какой-то тип, ну так, вроде интеллигентного вида: пальто коричневое, шляпа фетровая.

– Позвольте, – говорит, – за Ваш столик присесть? Я ненадолго, перекусить.

И садится. У него салат, чай на подносе.

Ну куда деваться, сел и сел.

Я себе наливаю, о своём думаю, а этот в шляпе, вроде немолодой уже, говорит:

– Что же это Вы в одиночку пьёте? Нехорошо...

Ну я, понятное дело, вспылал:

– Вам-то какая разница, что и как я пью?! Хотите, и Вам налью?

– Нет-нет, – он даже назад подался. – Мне не надо...

Потом помолчал – и снова:

– Что-то же с Вами случилось?

Посторонний человек, пил бы себе свой чай. Я уж хотел его снова обрезать, только вот голос у него был такой мягкий, спокойный, и взгляд тоже. Признаюсь, я человек не слишком откровенный, даже, пожалуй, скрытный, а тут нашло что-то... В общем, рассказал я ему всё – всю историю своей любви от начала и до конца. Он сидел, слушал молча, только кротко как-то смотрел, и мне становилось легче, точно я исторгал из себя всё то, что во мне бродило, не давало покоя, мучило. Зачем это было нужно ему, не знаю, не спрашивал.

– Ну вот и хорошо, – подвёл итог этот необычный господин, когда я закончил. – Теперь Вам домой пора, подумать о том, что делать, а больше о том, что не делать...

Мне как-то и в голову не пришло протестовать: чего бы вдруг постороннему человеку указывать мне, куда идти и что делать? Я только и спросил:

– А Вы?

Надо сказать, что к тарелке салата и стакану чая он так и не притронулся.

– Идите, идите, я ещё немного посижу, – ответил он.

Я поднялся, вышел из кафе и пошёл. Шёл, ни о чём совершенно не думая, и лишь у метро попытался вспомнить лицо того, кому вот так запросто душу открыл...

– И что? – не выдержала Ида Николаевна. Она не могла никак понять, что необычного её спутник находил в этой простенькой истории. – Как он выглядел, этот Ваш собеседник?

– Обычно выглядел. Я не смог вспомнить его лица, только коричневое пальто, помаятую серую шляпу и внимательный кроткий взгляд. Да, я ещё тогда его по глупости спросил, не гипнотизёр ли он, но он только улыбнулся на это.

Они шли молча, снег немного запорошил тротуар и поскрипывал под ботинками.

– Напрасно я Вам всё это рассказал, – запоздало заметил мужчина. – Сам не раз в поездах выслушивал чужие покаяния, а со мной это было впервые...

Сергей Петрович упорно смотрел под ноги, боясь не столько поскользнуться, сколько встретиться с ироничным взглядом Иды Николаевны. Они отошли довольно далеко, когда он обернулся назад: маленькая белая церковь напоминала теперь рождественскую свечу. Прохожих почти не было, только по другой стороне улицы шёл мужчина в демисезонном коричневом пальто и широкополой серой шляпе. Встретившись взглядом с Сергеем Петровичем, он поздоровался, немного приподняв шляпу.

Сергей Петрович растерялся, а когда обернулся ещё раз, тротуар был пуст, и лишь мелкий снежок заметал фонарную тень.

Травник

Дим Димыч – ботаник, довольно редкая в век технического прогресса специальность. Станным было и то, что науку эту он воспринимал не в прикладном плане, как то селекция злаковых или агрономия, а как понимал её какой-нибудь Гумбольдт – в наичистейшем, так сказать, виде. А ещё у Дим Димыча была тайная и малопонятная городскому человеку страсть к травничеству. То ли передалось ему это от его бабушки, у которой в детские годы он несколько раз гостил, то ли заворожил воображение старинный атлас растений, доставшийся ему от деда, – понять было трудно. Тем не менее все свои свободные дни молодой человек проводил в разъездах по потерянным сёлам центральной России в поисках новых трав, а заодно и всяких наговоров, заговоров и всего того, что с этими травами было как-то связано. Приятели над ним подсмеивались, мол, таким образом карьеру не сделаешь да и денег не заработаешь. Жена, а он был некоторое время женат, ушла через пару лет, сочтя его неперспективным. Однако на работе в НИИ его хотя и считали чудачком, но ценили за обширные знания и безотказность в работе. К тому же он закрывал квоту нелюбимых всеми лекций по обществу «Знание», на чтение которых соглашался только для того, чтобы побывать там, куда просто так доехать было трудно.

Как раз в августе, когда большая часть сотрудников ещё находилась в отпусках и Дим Димыч был практически единственным, кого можно было послать в богом забытый уголок, это и случилось. Железнодорожного транспорта до уездного городка Н не предусматривалось, автобусы ходили туда только утром да вечером, а дальше, бог даст, добрые люди довезут.

Впрочем, к учёному человеку из Москвы, да ещё и лектору, в провинции относятся совсем иначе, и Дим Димыч в этом убедился: его, как почётного гостя, на автостанции встретил сам председатель совхоза и довёз аж до центральной усадьбы с обещанием на следующее утро выделить транспорт и до тех отдалённых деревушек, куда он хотел добраться. Проблема была только одна – где переночевать: гостиницы в селе не предусматривалось, все же люди свои. И пришлось бы Дим Димычу коротать ночь в председатelsком доме, если бы не секретарша, вовремя вспомнившая, что «у Варьки Рябой дом пустует».

– Вам только одну ночь переночевать, – говорил председатель, извиняясь за то, что не оказал гостю должного гостеприимства. – У меня сын с внуками на побывку приехал, в доме яблоку упасть некуда, не взыщите. Варька – она баба хозяйственная, напоит, накормит. И дом у неё пустой, мужа-то нет. А утром я машину пораньше пришлю, чтоб Вы до жары съездить успели.

Дим Димыча удивила такая забота, ему, собственно, всё равно было, где ночевать, хоть и на сеновале. На сеновале даже предпочтительнее: звёзды, сено ещё пахнет цветами, мысли всякие приятные.

На пороге избы её встретила хозяйка, крепкая баба, покрытая тёмным платком, от чего возраст её определить было нельзя.

– Вот, Варвара, я тебе постояльца привёл, приюти на ночь. Учёный, аж из самой Москвы приехал, так что ты смотри не забижай.

Председатель, проговорив всё это скороговоркой, быстренько удалился, ссылаясь на семейные хлопоты.

– Чай, не забижу, чего мне его забижать-то? – откликнулась женщина, оборачиваясь, и, не найдя председателя, не меняя интонации, проговорила, обращаясь уже к незваному гостю: – Да Вы в избу заходите, картошка уже, наверное, поспела.

Эта мрачноватая женщина, странное поведение председателя да и одиноко стоявшая, словно на отшибе, изба несколько насторожили Дим Димыча, но выбора у него не было, и

он вошёл в дом. Изба, небольшая, но светлая, была чисто убрана. На столе стоял чугунок с картошкой, миска с огурцами, хлеб, вероятно, хозяйка сама собиралась ужинать.

– Что ж это Вас из Москвы – да к нам? Дело, что ль, какое? – любопытствовала она, накладывая гостю полную миску рассыпчатой дымящейся картошки, принесла сметану.

– Да, дело, – всё ещё смущаясь, откликнулся Дим Димыч и пояснил: – Я ботаник, травы изучаю.

– Это ж какие такие травы? – заинтересовалась Варвара, услышав что-то знакомое в ответе постояльца. Она по-прежнему была в платке и держалась к гостю правой стороной, так что тот против света мог видеть только её чёткий профиль. Но даже так Дим Димыч понял, что ошибся в её возрасте и что женщине, скорее всего, лет тридцать пять – тридцать семь, не больше.

– Разные. Меня интересуют их свойства, ну, как травы влияют на человеческий организм.

– Доктор, что ли? – уточнила женщина.

– Нет, не доктор, – улыбнулся Дим Димыч, такое неожиданное предположение его позабавило. – Какой же из меня доктор? Я ж травы изучаю, а не людей. Правда, люди испокон веку использовали травы для лечения или для заговоров, например, приворожить кого...

– Вот оно что, – женщина мельком глянула на гостя, – травник, значит. Бабка у меня тоже травницей была.

– Так, может, Вы что помните? Знания же обычно по наследству переходят.

– Не-не, – замахала рукой хозяйка. – Бабка умерла – я ещё маленькой была, да и вообще, глупости всё это.

Женщина всячески старалась показать, что ничего она не знает, но её взгляд и то упорство, с которым она открещивалась, говорили об обратном. Но Дим Димыч настаивать не стал: по опыту знал – бесполезно это.

– А что Вы всё в платке? В избе же жарко, – спросил он, уже порядком попривыкнув к хозяйке.

– Тебя напужать боюсь, – откликнулась женщина глухо, собирая посуду со стола. – Люди боятся, чай, и ты испугаешься.

– Что ж бояться? Вы женщина молодая, не ведьма какая, – усмехнулся Дим Димыч, не заметив, что от неловкого движения хозяйки тяжёлый платок сполз ей на плечи, полностью открыв женское лицо. Страшный багровый рубец рассекал всю правую сторону лица от уха до подбородка и казался вторым ртом на этом лице, обезображивая его до неузнаваемости. От неожиданности Дим Димыч подался назад, но тут же постарался взять себя в руки. – Это кто ж тебя так? – почти шёпотом спросил он.

– Муж, кто ж ещё? Взревновал, вот и полоснул, думал, убил... А я живучая, выжила...

– Да как же в наше время?

– Бог ему судья, – пожала плечами женщина, вероятно, не желая обсуждать болезненную для неё тему и вновь накинув на голову платок. – Я Вам в горнице постелю на кровати, а сама там лягу, – она неопределённо махнула куда-то в направлении сеней.

Дим Димыч не возражал, он ужасно устал, после еды его разморило, и как только голова его коснулась подушки, тут же заснул.

Проснулся он неожиданно, словно от какого-то толчка. В маленькое незавешанное окно горницы заглядывала абсолютно круглая, огромная луна, точно примериваясь, как ей половчее протиснуться внутрь. В комнате было душно, и от этого ужасно захотелось выйти на улицу подышать свежим воздухом.

Дим Димыч, как был босиком, открыл дверь в сени. Там пахло травами, но среди всех запахов выделялся запах полыни и ещё чего-то, что он никак не мог определить. Аромат был приятен, немного кружил голову и волновал. Нашупав в темноте щеколду, мужчина отворил дверь во двор и замер: сверху струился удивительный серебряный свет, заливая сад, хозяй-

ственные постройки, дорогу. Невероятных размеров луна была здесь, она висела прямо над садом, точно огромное вселенское око, гипнотизируя и подавляя.

– Во какая красавица, – услышал он голос Варвары, хотел обернуться и вдруг ощутил тепло коснувшегося его горячего женского тела и тот же травный аромат, только ещё более густой и дуращий. – Бабка в такие ночи травы и собирала, всё ж видно, что днём. А ты, значит, тоже травник.

Женщина, не стесняясь, коснулась рукой его волос.

– Надо ж, мягкие, точно у мальчонки.

Провела пальцами по шее, плечу, скользнула по руке вниз. Дим Димыч стоял, точно заворожённый её низким глубоким голосом, травным ароматом, шедшим от её горячего бесстыдного тела, луной, без всякого стеснения заглядывавшей теперь в распахнутую дверь избы.

– Иди ко мне, травник, иди, не бойся, не съем, да ночью и не видно ничего. Истосковалась я, иди.

Что это была за ночь – горячая, страстная, безумная. Никогда в жизни Дим Димыча не было таких ночей. Но из всего, что было в ту ночь, в памяти остался лишь странный, волнующий и тянущий за душу аромат трав, исходивший от разметававшихся по его лицу волос женщины, от её ласковых сильных рук, от её грудей и от всего того, что была она.

Проснулся Дим Димыч один. Хозяйки не было. На столе стояла крынка с молоком, рядом лежал хлеб.

Когда машина председателя, пыля и кашляя, проезжала через село, Дим Димыч заметил Варвару. Та шла по обочине дороги в толпе говорливых и смеющихся женщин. Всё так же покрытая тёмным платком женщина не обернулась.

Муха

Она лежала, свернувшись клубочком, подогнув ноги. Душно не было, не было и холодно. Было никак. Попыталась шевельнуть рукой – тело сделало попытку послушаться, но, вероятно, волевой импульс был так слаб, что рука едва шевельнулась. Она перевела взгляд на руку, медленно вернув его из ниоткуда и отправив от локтя к самому запястью и пальцам. Путь показался на редкость далёким. Пальцы были расслаблены и безвольны. Почему-то это её не насторожило и не огорчило.

Тогда она попыталась перевернуться на спину, рука немного затекла. Ничего не вышло – тело не слушалось. Тело было не её, чужое тело. Осознание этого не напугало, было всё равно, только мелькнуло нечто похожее на мысль: «Что-то мне это напоминает».

Вызвать из памяти какой-то образ не вышло, памяти точно не было: всё было оборвано и смешано – или ничего не было. Потом, через какое-то время, появился образ паука с ворсинками на брюшке и лапках и глазами точно два сломанных калейдоскопа. Но вот что странно: паук тоже не вызвал никаких эмоций – ни страха, ни отвращения. Однако он что-то задел, что-то, что не слишком волновало, но было знакомо. Это было оплетённое паутиной маленькое тёмное тельце, похожее на спелёнатую куколку.

– Муха, – догадалась она. И опять попыталась шевельнуться, хотя шевелиться совсем не хотелось, да и не получилось из этого ровным счётом ничего. Она вернула свой взгляд из небытия и медленно, насколько могла сделать это не шевелясь, оглядела себя.

Её тело, обычно такое свободное и независимое, всегда чего-то хотящее, порой вопреки её воле, теперь представляло собой нечто безвольно-бесформенное, точно его кто-то наскоро спеленал.

– Надо же, – удивилась она, потратив на это удивление последние жизненные силы, – муха-то – это я.

Готическая история из жизни современного человека

Около месяца назад Сергей стал замечать, что появилась какая-то непонятная усталость, раздражительность, вот даже сегодня с женой поссорился, и та уехала к маме. Такого прежде не было, отношения с женой всегда были дружескими, претензий они друг другу не высказывали, а слабости прощали: она – потому что любила, он – потому что уважал её как человека и был благодарен за детей и за дом, который только ею и держался. Ссора была беспричинной. Почему-то ему вдруг показалось, привиделось, что ли, так ведь не во сне, а наяву, что у Лиды кто-то есть и этот кто-то заменяет его всякий раз, когда он в командировках. В командировки Сергей ездил часто – не реже чем раз в квартал уж точно, а то и чаще. Иногда день-два, а другой раз – и пару недель. Собственно, никто его не неволил, он сам выбрал такую работу: хотелось мир посмотреть, пока молод, опять же, новые знакомства, и от семейных проблем можно отдохнуть. Человеком он был коммуникабельным, в любой компании мог стать своим. За это его ценило начальство: не всякий же семейный человек согласится поехать к чёрту на рога – в Якутию или на Чукотку, а он ехал. Да что греха таить, поездки разнообразили его жизнь, и немаловажную роль в этом играли женщины, ведь любая женщина – это вселенная, космос. Нет, грань он старался не переходить. Вот когда на Чукотке местный бонза предложил в качестве благодарности за помощь свою жену, он вежливо отказался, что ж с того, что это у них традиция? Женщина напоминала ему уставшую олениху, да ещё и одежда сплошь в крошечных зеркальцах. Черт их разберёт этих шаманистов, вдруг в самом деле околдуют?

Да, вероятнее всего, его отпугнули эти прыгающие зеркальца, похожие на подслеповатые глазки. Вот зеркалам он никогда не доверял, а всё оттого, что в его детстве бабушка как-то разбила зеркало – повернулась резко на его шалость и задела. Побледнела, как полотно: «Как же это? Что же теперь будет? Ты давай собирай быстрее, да осторожней, не гляди в осколки-то, не гляди: душу заберут!» – причитала она.

Потом позвонили в дверь, принесли телеграмму: умер её любимый брат – дядя Коля – весёлый и шумный, он приезжал летом в гости. С тех пор Сергей интуитивно стал сторониться зеркал, даже когда брился смотрел, только на подбородок. У них и в теперешней квартире зеркал было мало. Он стал припоминать:

– В ванной – раз, в старом дедовом гардеробе – два, хорошее зеркало, уж сколько лет, а всё фору современным даст.

Мужчина попытался вспомнить, есть ли ещё зеркала, ему казалось, что есть. Тут он заметил зеркало на деревянной подставке – мамино, которое всегда стояло у неё на комод. После её смерти он забрал зеркало себе, но в его семье оно не слишком прижилось: зеркало то убрали, то доставали обратно, теперь оно обосновалось на столе.

Сергей посмотрел на зеркало, ему показалось, что и зеркало посмотрело на него, насмешливо блеснув в свете электрической лампы.

«Любопытно, – подумал он. – Говорят, зеркала хранят тайну. Какая ж тайна может быть вот у этого?»

Мужчина подошёл к столу. Зеркало было довольно старым – толстое стекло, покрытое с обратной стороны серебряной амальгамой, кое-где уже повреждённой.

– А что, если...

Пришедшая ему в голову мысль была совершенно нелепой, тем более для человека его возраста. Но делать было особенно нечего, настроение паршивое, и хотелось всё как-то переменить.

Сергей пошёл в кухню, порылся в ящиках, отыскал две парафиновых свечи: жена была человеком запасливым, свечи и спички дома всегда были. Избегая заглядывать в зеркало, мужчина поставил по обе стороны от него свечи, зажёл их и выключил верхний свет. Комната вдруг

исчезла, осталось только пространство вокруг стола, на котором стояли свечи. Стало как-то не по себе.

– Ерунда, это всего лишь магия живого света, отвыкли мы от него, – убеждал себя Сергей, пододвигая стул поближе к столу и осторожно садясь перед зеркалом. – Из-за освещения даже это зеркало кажется теперь необычным, а почему, собственно?..

В мерцающем неровном свете свечей всё казалось призрачным и нереальным, и мужчина никак не мог сформулировать вопрос, но вдруг спросил:

– Какую тайну ты от меня скрываешь, зеркало?!

Теперь, когда вопрос был задан, не смотреть в зеркало было невозможно, и Сергей заглянул.

Из зыбкой глубины, уходящей в темноту, на него смотрел мужчина. Смотрел внимательно, словно изучая его, сидящего в тёмной комнате при зажжённых свечах. Из зеркала смотрело не его, Сергея, отражение, а совершенно другой, незнакомый ему человек.

Внутри у Сергея всё похолодело, живот свело, на лбу выступила испарина. Кое-как, преодолевая ужас, но не отрывая взгляда от чужого лица, он отодвинул стул и, выскочив из-за стола, включил свет. Точно ребёнок, спасающийся от собственных страхов, он радовался электрическому свету, проникающему везде, даже в самые дальние углы комнаты. Мужчина обошёл стол так, чтобы не дай бог ещё раз не заглянуть в зеркало, и положил его зеркальной поверхностью вниз, а сверху придавил толстенным томом энциклопедии. Хотел положить ещё что-нибудь, но это было бы уже слишком. Стараясь заглушить страх, мужчина на полную громкость включил телевизор, потом позвонил жене: хотелось услышать родной голос, убедиться, что реальность есть. Холод внутри никак не отпускал.

– Мне просто это привиделось, – убеждал он себя, разбирая постель ко сну, намереваясь лечь в другой комнате. – Живой свет меняет не только ощущение пространства, он, должно быть, меняет и внешний облик человека. Нет никакого основания думать, что в зеркале был кто-то другой, а не я сам, искажённый неровным светом свечи.

Однако мысли об этом другом его не покидали, поэтому комнату, где лежало зеркало, Сергей запер на ключ – так, на всякий случай.

Всю ночь он не мог заснуть, прислушивался к шарканью шагов в квартире этажом выше, урчанию канализации в квартире слева, каким-то непонятным шорохам и звукам, свойственным любому дому. Утром встал совершенно разбитым, досадуя на самого себя за идиотский эксперимент с гаданием.

Умывшись и выпив большую чашку кофе, чего обычно не делал, Сергей достал с антресолей пузатый кожаный портфель с письмами. Там хранилась переписка его родителей, его собственные письма домой из спортлагерей и даже письма его деда и бабушки. Письма он хранил, однако никогда не читал, но теперь решился. Сергей пробежал глазами одно письмо за другим, не вполне отдавая себе отчёт, что именно ищет. Жёсткий чёткий почерк отца, округлый – мамы, крупный, будто валяжный, почерк деда Петра Александровича, изящный, летящий, как и она сама, – бабушки. Ей, когда она писала, было, вероятно, за семьдесят, а почерк с гимназических времён почти не изменился. Её письма читать было легко и даже приятно: выдержанный стиль, мягкий юмор. За этим кружевом букв он легко узнавал бабушку, всё больше и больше погружаясь в прошлое, и вдруг необычно коротенькое письмо, адресованное дочери – матери Сергея:

«Я думаю, тебе стоит вернуться. Ни один мужчина, даже любимый, не заменит тебе сына...»

Сергей перечитал эту фразу ещё и ещё раз. Он, вдруг припомнил, что ему было лет семь-восемь, когда мама неожиданно уехала. В доме стало уныло и тревожно. Отец ходил мрачный да и приходил с работы позднее обычного. Бабушка тоже сникла, иногда и совершенно не к

месту вдруг начинала его тормозить или жалеть. Потом мама приехала, но напряжение, точно запах горелого, ещё долго сохранялось в их доме.

С матерью он об этом никогда не говорил, даже когда вырос: свои уже были заботы. Старшая сестра что-то рассказывала – девочки всегда больше знают, – будто бы отец увлёкся какой-то аспиранткой, даже подумывал уйти от них. Вероятно, тогда мама и уехала, но уехала не одна. Может ли быть такое? И кто тот мужчина, о котором бабушка пишет «даже любимым»? Неужели она их тогда оставила, выбирая между ними и тем человеком?

Вдруг Сергея обожгло: человек в зеркале, смотрящий на него так пристально. Он изучал его, оценивал, знал, именно знал, кто перед ним.

Как знал?! Он что же, всегда был в этом зеркале, следил за ним, что ли? Зачем?!

– Ах да, зеркало-то мамино! – вспомнил Сергей. Добровольно он там поселился или его образ заперла мама своей любовью, которой она, судя по бабушкиному письму, пожертвовала ради семьи, ради него, Сергея?

– Но это же бред, бред сумасшедшего, такого быть не может!

Разум отказывался верить. Мужчина собрал письма и, не разбирая, засунул всё обратно в портфель.

– Хватит, так и до нервного расстройства можно дойти!

Он закинул портфель на антресоли, отпер запертую вечером комнату, зеркало, не заглядывая в него, положил в ящик комода под одежду, потом оделся и поехал к тёще мириться с женой. Ему вдруг ужасно захотелось увидеть их всех: и жену, и детей.

Жива ли я

Дмитрий Сергеевич вошёл в вагон поезда, его купе было свободно. Мужчина по-хозяйски расположился в нём и, как всегда бывает в таких случаях, принялся смотреть в окно. По перрону шли люди, кто-то суеился, ища свой вагон, другие шли уверенно, ничуть не сомневаясь ни в себе, ни в том, что всё в этой жизни призвано служить им. Один вот такой уверенный в себе господин как раз подошёл к его вагону. Носильщик, на тележке которого стоял лишь небольшой баул и дорожная сумка, сверился с номером вагона и передал кондуктору багаж. Мужчина сунул носильщику купюру, обнял стоящую рядом с ним женщину, нарочито чувственно поцеловав её в губы, и, дождавшись, когда та войдёт в вагон, помахал рукой.

– Бывают же такие! – Дмитрий Сергеевич всегда невольно завидовал людям самоуверенным, чувствовавшим себя хозяевами жизни, он к таким не принадлежал.

«Дай Бог, никто не подсядет, хоть выплусь», – думал он, идя в тамбур покурить.

Однако, вернувшись назад, обнаружил попутчицу и тут же узнал в ней ту самую, которую провожал замеченный им на перроне самоуверенный господин.

«Не повезло», – Дмитрий Сергеевич не успел придать своему лицу благожелательное выражение, необходимое в таких случаях, как сидящая у столика особа уже отреагировала:

– Вы что же, недовольны?! Я, знаете, тоже надеялась обойтись без соседей, но не морщусь же при виде вас.

Реакция женщины была настолько неожиданной, что Дмитрий Сергеевич даже не решился протестовать.

– Вот и не оправдывайтесь, не надо, знаю, что угадала, – женщина не сбавляла напора, сознательно желая смутить своего соседа по купе.

– Ну что делать, раз всё уже так сложилось, так тому и быть, – заключила она, вздохнув, и, взглянув на мужчину чуть более доброжелательно, предложила: – Давайте знакомиться, я Нюра.

– Анна то есть? – зачем-то уточнил Дмитрий Сергеевич. В этом «Нюра» было что-то слишком доверительное, даже интимное, и он попытался защититься холодным и почти официальным произнесением её имени.

– Чем же Вам «Нюра» не нравится? – тут же отреагировала его спутница. – Знаете, мы забываем живые человеческие имена, заменяем их аватарами какими-то, а нормальное человеческое исчезает. Вот Вас как зовут?

– Дмитрий, – представился Дмитрий Сергеевич, не решившись назвать себя по имени-отчеству, не зная, какую реакцию это может вызвать, женщина казалась ему непредсказуемой.

Соседка прекратила разговор так же неожиданно, как только что его начала, принялась доставать из сумки какие-то вещи, и, воспользовавшись этим, Дмитрий Сергеевич разглядел свою спутницу. Ей было около сорока, возможно, чуть больше. Светлые выющиеся волосы забраны на затылке в пучок, правильные черты лица. Возле глаз тоненькие лучики морщинок.

«Должно быть, близорука, а очки не носит...»

Насмешливый взгляд серых глаз прервал его наблюдения – теперь уже женщина с интересом смотрела на него, ничуть не пытаясь это скрыть.

– Да, Вы не ошиблись, мне сорок два. Я, собственно, не считаю необходимым скрывать свой возраст, – произнесла она совершенно спокойно – и вдруг как-то удивительно по-женски: – Я Вам не нравлюсь?

– С чего Вы взяли? – Дмитрий Сергеевич закашлялся. – Я этого не говорил...

– Говорил, не говорил – какая разница? Вы же так думаете...

– Ну, знаете, если Вы станете толковать всякий мой взгляд столь радикально!..

Еще чуть-чуть – и он готов был разозлиться, пойти к проводнику и потребовать перевести его в другое купе, даже доплатить тому, лишь бы не оставаться с этой взбалмошной особой предклимактерического периода.

– Ладно, не сердитесь, я же так, задираюсь. А то вошёл такой букой – всё ему не то и не так. Терпеть не могу напыщенных мужчин.

Женщина вдруг весело рассмеялась, отчего всё лицо её как-то разом помолодело.

«Да она не такая уж и стерва», – решил Дмитрий Сергеевич, понемногу успокаиваясь, хлопотать о переходе в другое купе ему уже расхотелось.

– Слушайте, а хорошо бы к нам никто больше не подсел. Представляете, – женщина сделала страшные глаза, изображая испуг, – войдёт сейчас молодая пара с ребёнком или, наоборот, бабулька с билетом на верхнюю полку – и всё наше с вами знакомство коту под хвост.

И хотя Дмитрий Сергеевич только что сам хотел избавиться от своей соседки, но представив себе разговорчивую хлопотливую старушку с некондиционным чемоданом, которой в конце концов придётся уступать место, вдруг изрёк:

– А Вы правы, пойду попрошу проводника не подселять к нам никого.

Он вышел и через некоторое время вернулся довольным:

– Ну вот, теперь не поделят, договорился.

– Вы уверены, что не поделят, точно?!

– Проводник клятвенно обещал, – мужчина помялся, стесняясь сказать, что это обещание ему кое-чего стоило, и вдруг предложил: – Не хотите в вагон-ресторан? Я не успел перекусить до поезда...

– У меня курица есть и помидоры, на двоих хватит, да и ужасно на люди не хочется, – тут же откликнулась Нюра, состроив смешную рожицу, отчего и Дмитрию Сергеевичу пришлось улыбнуться. Надо сказать, что ему и самому не слишком хотелось тащиться через три вагона в ресторан. Нюра уже доставала из дорожной сумки завернутую в фольгу курицу, пирожки, помидоры, ещё что-то домашнее и вкусно пахнущее.

– У меня только коньяк, – смущённо предупредил он, извлекая из своего бесформенного портфеля бутылку армянского.

– Ну вот, это же то, чего не хватало, а Вы – в вагон-ресторан! Бог знает, что там у них, а у нас всё по-домашнему, душевно, – говорила женщина, расставляя невесть откуда взявшиеся одноразовые тарелки.

Обстановка в купе переменилась, став почти домашней, напряжение, в котором Дмитрий Сергеевич находился с самого начала появления своей соседки, исчезло, и теперь казалось, что они давным-давно знакомы.

Ужин шёл своим чередом, короткие тосты сменялись разговором ни о чём, а разговор прерывался такими же ни к чему не обязывающими тостами. Оба немного захмелели. Дмитрий Сергеевич уже знал, что его спутница замужем за человеком «хорошим, ответственным», но, как он заключил, нелюбимым, что она фантазёрка, училась когда-то в Москве, но вышла замуж в провинцию и провинцию эту тихо ненавидела.

Всё это было достаточно обычно, и такого рода разговоры можно было услышать в купе любого поезда, идущего на восток или на запад – всё равно. Необычным была только сама Нюра, и чем дальше, тем больше она привлекала Дмитрия Сергеевича своей неподдельной искренностью и естественностью.

– Вам, вероятно, нужно переодеться и отдохнуть, уже довольно поздно, – спохватился мужчина, когда курица была давно съедена, а коньяк – выпит. Он поднялся, вышел из купе в тамбур, потом, поразмыслив, прошёл в вагон-ресторан и купил там бутылку сухого, сам не зная зачем.

Вернулся минут через двадцать. Женщина уже лежала на нижней полке, укрывшись простынёй, но не спала.

– Вы купили вина, это хорошо, – констатировала она. – Пожалуй, будет совсем не лишним выпить немного.

Дмитрий Сергеевич, откупорив бутылку, разлил вино по стаканам. Они выпили его почти молча.

– Я отвернусь, а Вы раздевайтесь и ложитесь, в самом деле, скоро уж и вставать, – произнесла Нюра и повернулась к стене, предоставив соседу возможность любоваться волнующим изгибом своей спины и не прикрытым простынёй округлым плечом.

Дмитрий Сергеевич наскоро разделся и лёг, чувствуя неловкость от присутствия в столь тесном пространстве купе женщины, чей аромат теперь тревожил его и возбуждал. Спать ему не хотелось, но не смотреть же в пустоту, и он закрыл глаза.

– Делаете вид, что спите?

Не сообразив, что ответить, Дмитрий Сергеевич промолчал. В конце концов, было действительно поздно и он вполне мог заснуть. Но Нюра не отставала:

– Может быть, Вы перестанете притворяться и перейдёте наконец ко мне? Вам же этого хочется. – Женщина повернулась на спину и теперь в упор глядела на своего спутника, ничуть не сомневаясь в своей правоте. – Вы же сами сказали: попутчиков не будет...

Странная это была ночь: переборка теней за окном, раскачивающиеся фонари на полустанках, шарканье ног по коридору вагона и замирание сердца всякий раз – «Неужели сюда? Нет, только не это!» Но поезд мчался вперёд, вагон уютно раскачивало, мысли и страхи тонули в сладостном ощущении, и оставалась только странная, непонятно откуда взявшаяся страсть к этой маленькой чудаковатой женщине, подчинившей его себе и теперь владевшей им в каждом его желании, каждом движении, даже в каждой его мысли.

Они проснулись одновременно, словно от толчка.

– Граждане пассажиры, поезд пребывает в столицу нашей Родины город Москву. Просьба сдать бельё.

Проводник стоял в проходе возле двери их купе, и его равнодушно громкий голос словно подводил итог всему, что только что, ещё минуту назад, казалось неизменным и вечным.

– Давайте вставать, надо же ещё переодеться, себя в порядок привести да и вещи собрать, – забеспокоилась женщина.

– Я провожу, – тут же откликнулся Дмитрий Сергеевич, готовый немедленно отправиться в обратный путь с ней, не то что на другую сторону Москвы. О своих делах он позабыл.

– Меня встречает мужнина сестра, да и вещи нетяжёлые.

Нюра уже оделась и собиралась открыть дверь купе, но, заметив в зеркале растерянное лицо соседа, помедлила. Он едва узнал её голос:

– Мы больше не встретимся...

– Никогда?!

Это «никогда» вырвалось само собой, но представить, что эту женщину, которую он непонятно почему полюбил и ради которой был теперь готов на всё, он больше никогда не обнимет, не...

– Никогда, – рассеянно улыбнулась Нюра. – Вам было хорошо, мне тоже... И знаете что... ну, чтобы Вам не так обидно было, что ли, я это сделала для себя самой, понимаете? Хотела понять – жива ли я ещё, могу ли быть любима, вот так страстно, безрассудно, на одну ночь...

– Граждане пассажиры, сдавайте постельное бельё, – нудный голос проводника точно линовал их жизнь, проводя черту под их случайной встречей, переводя в прошлое ещё такое живое, тёплое ощущение другого человека и навсегда отсекая его от настоящего. Какое оно теперь будет, это настоящее?

Субстанция мечты

Отнюдь не короткую жизнь прожил Егор Ефимович, многое повидал и переувоспитывал, был и советским служащим, негодующим, когда его называли чиновником, и российским чиновником, горда носящим это звание. Ровно тогда, когда это было положено, он вышел на пенсию и был этим доволен. Он обрёл тот покой, которого никогда не имел: утром просыпался без будильника, долго завтракал, смотрел за завтраком последние новости, потом гулял, обходя весь парк, вернувшись домой, обедал, отдыхал, читал что-нибудь аж до ужина, смотрел вечерние новости. Время от времени ему звонили приятели, большей частью те, которые вышли на пенсию. Они подолгу говорили по телефону, что-то обсуждая и даже споря, но о чём именно – он почти никогда не мог вспомнить. Поначалу он пытался позвать приятелей к себе, но они отнекивались, ссылаясь на занятость, да и сам Егор Ефимович стал замечать за собой, что хотя он весь день не был занят ничем конкретным, но свободного времени на то, чтобы пойти на новую выставку или в театр, у него совсем не оставалось. Более того, ему теперь было вполне достаточно телерепортажа с той же выставки или анонса в газете, по которому он с уверенностью судил, нравится ему она или нет и какой оценки заслуживает художник. Ещё пару лет назад среди своих знакомых он слыл человеком, лёгким на подъём, теперь же с трудом заставлял себя лишний раз пройтись.

Жена, вышедшая на пенсию значительно раньше и как-то уже адаптировавшаяся к этому состоянию, старалась занять мужа домашними делами, а заодно немного разгрузить и себя. Постепенно она переложила на него походы по магазинам. Егор Ефимович с гордостью демонстрировал свои трофеи, объясняя, что и с какой скидкой он купил, в каких именно магазинах и сколько ему удалось сэкономить за раз. Хотя выгода оказывалась обычно копеечной, это ничуть не уменьшало его заслуг в глазах жены, считавшей, что наконец-то её муж стал нормальным человеком. Так длилось некоторое время, жизнь, казалось, вошла в свою новую колею, но как-то раз, в конце зимы, Егору Ефимовичу приснился сон. Ему приснилось, что он мечтает, и мечты его в том сне были не эфемерной субстанцией, как обычно, когда мечтаешь не пойми о чём и тут же забываешь, а вполне реальными. У него было ощущение, что каждая мечта была кусочком его самого, и он вдруг испугался, что может всё истратить и вообще исчезнуть.

Егор Ефимович никак не мог забыть тот странный сон, всё думал о нём, пытался даже трактовать, да бросил: получалась какая-то ерунда. Через несколько дней мужчине приснился другой сон, похожий на первый. В нём ему удалось перепрыгнуть из своего обычного материального состояния в одну такую мечту. Чем-то она напоминала лодку или небольшой бот, пустившийся в плавание на свой страх и риск. Ощущение было не из приятных, к тому же Егор Ефимович и во сне помнил о своей морской болезни, что портило всё впечатление. После второго сна он заметно погрузнел и отказался ходить в магазин – так, на всякий случай. Спать он теперь ложился если не с опаской, то с осторожностью: что-то в этих снах было беспокойное.

Егор Ефимович попытался обсудить занимавший его вопрос о субстанции мечты со своим институтским приятелем, доктором философских наук, а тот стал говорить о цели жизни, которую можно достичь, реализовав свой потенциал, что и так всем известно, а потом вдруг заявил, что все ответы на насущные вопросы отражаются в наших мечтах, потому как мечта – это нереализованная реальность. Из сказанного было ясно, что приятель не советчик.

Для Егора Ефимовича всё стало не так и не то, раздражало, даже злило. Совсем недавно радующий его покой пенсионного времяпровождения стал восприниматься как период, данный на доживание. Ему и хотелось, и не хотелось поменять всё, и наконец он понял, что ему не хватает мечты. Именно мечты была лишена его теперешняя жизнь, ведь нельзя же принимать за мечту желание прийти в понедельник в магазин раньше других и купить не перебранные ещё помидоры или мандарины. Да, мечты не было, и не было того трепетного волнительного ожи-

дания, которое её сопровождает, ожидания чего-то необычного, нездешнего. Всё ему казалось обыденным и скучным, и от этой обыденной будничности хотелось бежать без оглядки. Бежать не получалось, да и куда бежать, на дачу? Так там те же самые проблемы, только с меньшими удобствами.

За этими размышлениями Егора Ефимовича застала весна, он даже и не заметил её сразу, только когда жена стала навязчиво намекать, что снег уже давно сошёл и пора бы вскопать огород, чтобы посадить хоть что-то. Пришлось ехать. Весенний воздух бодрил и даже немного волновал его, и Егор Ефимович стал надеяться, что появятся и мечты, надо только вспомнить, как ему удавалось мечтать раньше, например, когда он ещё студентом был влюблён в свою жену. Теперь это ему представить было сложно да и как-то бессмысленно.

Копая женин огород и ругая про себя непонятно откуда взявшуюся у неё, городского человека, тягу к крестьянскому труду, он заметил соседскую девочку лет шести. Девочка сидела на садовом столе, отгороженная от него лишь голыми ещё ветвями девичьего винограда, и пускала мыльные пузыри. В руках у ребёнка была какая-то пластиковая рамка, которую она макала в мыльный раствор, а потом усердно дула, пока из мыльной пены не нарождался пузырь. Если она дула медленно и раздумчиво, пузырь получался большой и тяжёлый, летел он низко и всё норовил зацепиться за куст смородины или крыжовника. Если резко выдувала из себя весь воздух, то с рамки срывалась целая гроздь мелких беспокойных мыльных пузырей, которые тут же уносил налетевший ветерок. Попробовав так и эдак, девочка приноровилась, и мыльные пузыри стали не тяжёлыми и не слишком лёгкими. Из-за облаков выглянуло переменчивое майское солнце, рассыпав свои лучи по пустынному саду. Один из только что оторвавшихся от рамки мыльных пузырей попал в солнечный луч и вдруг вспыхнул, переливаясь всеми цветами радуги. Поймав восходящий воздушный поток, он одолел невысокий заборчик, разделявший два участка, и поплыл над кустами жимолости совсем рядом с мужчиной, который перестал копать и с изумлением и восторгом смотрел на переливающийся в солнечных лучах мыльный пузырь, точно это было нечто невиданное. Заметив, что пузырь летит прямо на яблоню, и испугавшись, что тот сейчас лопнет, он метнулся к нему и стал дуть что было сил, забыв и о своём возрасте, и о ломоте в спине, и обо всём прочем, что вдруг перестало иметь для него значение.

В этот миг главным был этот зыбкий переливающийся шар, миновавший яблоню и поднимающийся всё выше и выше. Соседская девочка залезла на стол, и теперь прыгала, размахивая над головой руками, и смеялась от восторга, что это её мыльный пузырь поднялся так высоко. Егор Ефимович тоже засмеялся, сам не зная чему, и вместе с тем почувствовал такую необыкновенную и давно позабытую лёгкость, которую не ощущал, должно быть, с самого детства. Ему хотелось, так же как и эта девочка, прыгать, и махать руками, и кричать, потому что он вдруг ощутил самого себя.

Школьный вальс

Всё складывалось как-то само собой, безо всякого Пашкиного участия. Вот раньше Пашка сам решал, чего он хочет и как ему достигнуть желаемого, а теперь точно течением несло. И не то чтобы он был совсем уж против, нет, конечно. Ольга ему и раньше нравилась, но не одна же Ольга, другие девочки тоже, Надя, например, или Вера. Но за лето Ольга так переменялась, что Пашка первого сентября едва узнал её и больше уже ни о ком думать не мог. Вот только Ольгу Пашка интересовал лишь на уроках математики, когда нужно было задачу решить. Понятно: невысокого роста, субтильный, с кадыком, выступающим на худой шее, и пушком над верхней губой, он не шёл ни в какое сравнение с Виталиком. Тот уже учился на втором курсе института и был на голову выше Пашки, да и с девушками держал себя уверенно и даже как-то снисходительно, словно знал о них что-то такое, чего Пашка в свои шестнадцать ещё не знал.

Виталика Пашка возненавидел сразу, как только увидел его с Ольгой, и уже ничего не мог с собой поделать. Он завидовал этому самовлюблённому верзиле, завидовал тупо, по-детски и готов был на всё, только бы задеть его. Но Виталик словно и не замечал его злости, и Пашку это бесило. Он даже подумывал, не вызвать ли этого негодяя на дуэль, только вот на чём драться? Не на палках же, в самом деле.

От всех навалившихся на него переживаний Пашка даже счёт времени потерял и не заметил, как подошёл Новый год, а на Новый год в школе всегда устраивали вечер с танцами.

Пашка на таких вечерах не танцевал, да и другие ребята тоже: кому охота, чтобы тебя разглядывали? Не стеснялся один Артур Саркисян: он занимался греблей, выглядел старше своих одноклассников и девчонкам нравился.

– Ребята, – классная руководительница обвела взглядом класс, – скоро новогодний вечер. Вы уже взрослые и должны понимать, что на танцевальные вечера ходят совсем не для того, чтобы стенки подпирать. Да и девочкам потанцевать хочется, так что будем учиться танцевать вальс.

Класс притих, и среди этой напряжённой тишины раздался басистый голос Артура:

– Зинаида Петровна, но вальс – это ж прошлый век. Может, лучше рок-н-ролл?

Артур явно провоцировал классную, но та сделала вид, что не слышит.

– Кто умеет танцевать? – спросила она. Поднялось несколько неуверенных рук – все девчонки. Пашка заметил, что Ольга тоже подняла руку.

– Хорошо, значит, будем учить мальчиков. Ну, кто смелый?

Ребята напряглись, никому не хотелось быть первым.

– Что ж, – не сдавалась классная, – тогда по алфавиту. Павел, ты первый.

Пашка встал, чувствуя на себе сочувствующие взгляды приятелей и насмешливые – девчонок.

– Подойди ко мне.

Зинаида Петровна была настроена как никогда решительно.

– Не бойся, дай мне руку, отведи немного в сторону, вот так. Другую положи на талию. Да не на свою, а на мою талию.

Пашка покраснел, мысль, что ему надо обнять учительницу, ввела его в ступор.

– Ну же!

Она сама взяла его руку и положила себе на талию. Пашка ощутил тепло упругого женского тела. От этого прикосновения горячая волна захлестнула его, он даже сглотнуть не мог, не то что двигаться.

– Не отвлекайся, – командовала тем временем учительница, – следи за моими движениями и повторяй, я буду считать. Раз!

Зинаида Петровна сделала шаг назад и потянула на себя Пашку. Он, точно бычок, качнулся вперёд и, не рассчитав расстояния, наступил ботинком на ногу учительнице.

– Извините, – пробормотал он, не узнав собственного голоса.

– Внимательней! – учительница поморщилась. – Ты не на параде, шаги должны быть скользящими, лёгкими, небольшими, как у меня, понял?! Тогда ещё раз. Раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Зинаида Петровна одну руку положила Пашке на плечо, а другую вложила в его ладонь, но при этом каким-то странным образом заставляла его двигаться, подчиняя определяемому ею ритму.

– Молодец, молодец, видишь, как у тебя хорошо получается, – подбадривала она вконец смущённого ученика.

Пашка уже и сам чувствовал, что движется гораздо легче, ему даже стало нравиться это. Но тут учительница остановилась.

– Дальше тренируйся дома... Болдин, теперь ты.

Долговязый нескладный Болдин поднялся из-за последней парты, Пашке пришлось вернуться на своё место.

– Тань, а Тань, ты вальс танцевать умеешь?

Пашка решил взять быка за рога и, едва вернувшись домой, заглянул в комнату сестры.

– Угу, – сестра оторвалась от книги и с интересом глянула на младшего брата.

– Научи меня... У нас вечер будет в школе, классная сказала, чтобы все танцевали, ну и вообще...

– Классная? – Таня хитро улыбнулась. – Ну если классная, то ладно...

Она порылась в секретере, достала одну, потом другую пластинку, наконец нашла то, что искала, включила проигрыватель. Раздались противные шипящие звуки, и вдруг полилась плавная, немного волнующая мелодия.

– Слушай и старайся уловить такт, понял? Я буду считать, чтобы ты не сбился.

Пашка обнял сестру, но никакого волнения это прикосновение в нём не вызвало.

– На ноги не вздумай наступать, – предупредила она, возвращая его к реальности, – и не спи. Шаг вперёд, в сторону, поворот. Вперёд – в сторону – поворот. Раз-два-три, раз-два-три...

Сестра вела Пашку по комнате, мастерски обходя мебель, загромождавшую все углы. Он только диву давался, как это она успевает поворачивать.

– Ой!

Татьяна оттолкнула брата и запрыгала на одной ноге, всем своим видом показывая, как ей больно.

– Я так и знала! Медведь, вот ты кто, понял?!

– Тань, ну я нечаянно, – виновато бормотал Пашка.

– Знаешь что, – сестра перестала прыгать и подвинула к брату стул, – вот, ты со стулом лучше потренируйся.

– Как это со стулом?! – растерянно переспросил Пашка.

– Ну так, берёшь на руки стул, обнимаешь его, как девушку, и танцуешь.

Таня глянула на брата и расхохоталась: казалось, ещё чуть-чуть – и тот расплчется.

– Ну вот, смотри, – девушка подхватила венский стул и легко заскользила с ним по комнате. – Понял?!

Она сунула стул брату.

– Ну, давай-давай, так все учатся, пробуй!

Последующие дни Пашка усердно танцевал с венским стулом и, так как у него было неплохое чувство ритма, скоро начал двигаться довольно свободно, так что в конце недели сестра согласилась проэкзаменовать его.

На школьный вечер Пашка оделся со всей тщательностью, на которую только был способен, и даже свои вихрастые волосы причесал, чтобы не торчали.

Народу в зале набралось много, мальчишки, как всегда, стояли в стороне, всем своим видом показывая, что до танцев им нет дела, и отпуская шутки по поводу девчонок, самозабвенно что-то изображавших каждая на свой манер.

Когда объявили очередной быстрый танец, Пашка понял, что необходимо что-то предпринять, иначе вальса не дождёшься. Он отделился от приятелей, прошмыгнул между танцующими, заметил по дороге, что Ольга стоит возле стены и не танцует. Надо было срочно отыскать Артура, выполнявшего роль диск-жокея на школьном вечере, тот кокетничал с девочкой из параллельного класса.

– Разговор есть, – Пашка потянул приятеля за рукав.

– Прямо сейчас? А потом нельзя? – заупрямился Артур, но, заметив озабоченное лицо Пашки, отошёл с ним в сторону.

– Нужен вальс, – решительно заявил Пашка.

– Сдурел, что ли, какой вальс? Его и танцевать никто не умеет, только класснуха одна. – Артур уже повернулся уходить, но приятель дернул его за пиджак.

– Ты что, не понял, что ли? Вальс нужен!

– Тебе нужен – так ты к Гришке и иди, он музыкой заведует, а я в зале, ясно?!

Артур многозначительно хмыкнул.

– Поставь вальс, – Пашка ввалился в комнату оператора с той решительностью, которая заставляла других уступать ему.

– Какой ещё вальс? – Гришка искал какую-то свою запись.

– Да любой, какой есть... – не отставал Пашка.

– Кому он нужен, твой вальс? – запротестовал Гришка, найдя наконец то, что искал.

– Я заплачу, – Пашка вытащил смятую купюру, припасённую заранее, – вот.

– Ты что, втюрился, что ли? – догадался оператор, с любопытством разглядывая субтильного посетителя. – Ладно, будет тебе вальс, иди уже.

Когда Пашка спустился в зал, музыка старого русского вальса уже звучала в полную силу, заставив школьников притихнуть. Танцевать никто не решался.

Пашка, стараясь ни о чём не думать, решительно направился к Ольге и, подойдя, севшим от волнения голосом произнёс давно заготовленную и сотню раз повторенную им перед зеркалом фразу:

– Можно пригласить Вас на тур вальса?

«Вас» он произнёс особенно выразительно.

Ольга, никак этого не ожидавшая, машинально подала руку, и они вышли в центр пустого зала. Пашка не видел, как зашептались девочки, обсуждая его поступок, как загоготал Витёк, – он вообще ничего не видел, кроме Ольги, которую он бережно обнял за талию и, поймав ритм, закружил по залу. Ежедневные уроки со стулом дали свой результат: Пашка вёл свою партнёршу легко, не боясь отдавить ей ноги, да и места здесь было значительно больше, чем дома, где он всё время наткался то на стол, то на диван.

Мелодия прекратилась неожиданно, казалось, она должна была звучать и звучать, он только-только почувствовал прелесть танца, ощутив лёгкое дыхание девушки у своей щеки, – и на тебе, конец. Пашка отвёл Ольгу к тому месту, где она прежде стояла с девочками, и выскочил в коридор, не желая ни с кем разговаривать. В зале почти сразу послышались тяжёлые звуки рока, Гришка брал своё. Послonyaвшись по коридору, он от нечего делать поднялся в классную комнату и тут наткнулся на Ольгу, та, вероятно, пряталась там от любопытства девочек.

– Зачем ты?! – голос у Ольги срывался.

– Что зачем? – Пашка подошёл к ней. – Что зачем, что?..

– Зачем ты с вальсом?! – выпалила та.

– Да потому, потому... потому что... – Пашка смутился, не зная, как сказать то, что он давно уже хотел ей сказать, и вдруг притянул девушку к себе и стал целовать. Он никогда прежде не целовался, зачем-то закрыл глаза и оттого тыкался то носом, то губами в щеку, шею, ухо девушки, которая вертела головой, пыталась отстраниться от его поцелуев.

Наконец ей удалось его оттолкнуть.

– Ты что, с ума сошёл, ты зачем меня всю изъелозил, дурак?!

Она вытирала лицо тыльной стороной ладони с таким усердием, словно по нему прошло стадо улиток.

– Что это вы тут делаете? – в приоткрытую дверь заглянул Артур. – А ты, Паш, молодец, не ожидал от тебя, – он вошёл в класс, – вальс вот научился танцевать...

В голосе приятеля слышалась откровенная насмешка.

– Да иди ты, – Пашка оттолкнул приятеля от двери и выскочил из класса. Ему было обидно и горько, что всё так глупо, так нелепо получилось, а он-то мечтал...

– Изъелозил я её, видишь ли, нашла же слово, изъелозил!

С трудом отыскав в раздевалке своё пальто, Пашка выскочил на улицу. Площадка перед школой была освещена, и в ярком свете уличного фонаря кружились снежинки. Ему показалось, что кружатся они в ритме вальса.

Контур, оставленный на асфальте

«Это было давно». Примерно такими словами люди обычно начинают говорить о себе, словно отодвигая во времени то, что им дорого, значимо, будто отрицая свою способность чувствовать, переживать, любить именно сейчас, перенося всё это в прошлое. Почему? Разве, лишённые этой эмоциональной составляющей, они становятся лучше? Нет. Счищая, отслаивая, отодвигая от себя чувства, отстранённо оценивая их и, как им кажется, уже поэтому обретая мудрость, они теряют значительную часть своей человеческой натуры, становясь, увы, не ангелами, а скорее, шахматными фигурами, точно знающими пределы своих возможностей, разрешённое поле для игры и итог. Они спокойно рассуждают о будущей своей жизни, точно так, как и шахматные фигуры догадываются, что их вновь выстроят на чёрно-белой доске.

– Мы встретились на экскурсии в каком-то подмосковном городке, не помню в каком. Я был молод, самонадеян, даже нагловат. Она... от неё пахло свежестью. От неё всегда пахло свежестью июньского утра, когда кажется, что у этого начинающегося дня не будет конца...

– Как она выглядела?

– Давно это было, – защищается от пережитых чувств рассказчик. – Она всегда выглядела очень хорошо, так, что мужчины обращали на неё внимание...

Он молчит, но я точно знаю, что пауза взята им отнюдь не для того, чтобы вспомнить, восстановить картину прежней любви, а с той лишь целью, чтобы аккуратно упаковать эту самую любовь в коробку, обложить ватой или мягкой бумагой, точно новогоднюю игрушку, и убрать подальше. Пусть останется, но не тревожит.

– И что же?

Выдержать затянувшееся молчание мне трудно.

– Мы встречались довольно долго. Мне было хорошо с ней, ей, вероятно, тоже.

Странное желание человека превратить апофеоз своих чувств не в музыку, не в симфонию, которая могла бы захлестнуть собеседника, лишить его покоя, пробудить воображение, а в предостерегающую линию, нанесённую куском мела, которой он огораживает свои прежние переживания от себя сегодняшнего. Слушать уже не хочется, но тут рука, ведущая линию, натывается на препятствие, то, что и сейчас задевает:

– Однажды, совершенно неожиданно, она сказала, что выходит замуж и мы больше не увидимся.

Я тут же воображаю море страстей, обиду, непонимание, ревность – всё то, что испытывает человек в такой ситуации, – но нет, рассказчик справился с болезненным воспоминанием и спокойно ведёт свою линию дальше:

– Второй раз мы встретились случайно на выставке, но тут же узнали друг друга, хотя прошло изрядно лет, да и мы были далеко не так юны.

«Ну теперь-то, – думаешь ты, – хоть что-то пробьётся сквозь пыльную немоту запрета, хоть какой-то живой росток». Нет!

– Конечно, это было уже не то, прежнее, юношеское чувство, мы были не так жадны, но это была любовь.

– Почему же вы расстались?! – терпеть безучастность говорящего к своей собственной любви больше нет никаких сил.

– Расстались? – удивляется он моему нетерпению. – Вероятно, почувствовали, что это всё входит в привычку, чувство потеряло свою новизну, остроту ощущений...

– Но где же эти ощущения, где чувства? Я их не ощущаю...

– Давно это было...

Ещё одна ограждающая черта на всякий случай.

– Но хоть что-то в Вас осталось? Столько лет Вы любили женщину...

– Вероятно, – он на мгновение задумывается, – аромат свежести, да, пожалуй, именно так, аромат свежести.

Точка поставлена, концы линии сошлись, зловредная тень прошлого обрисована и, значит, безопасна, ей определено место. А человек? Да человек ли это? Может быть, в самом деле шахматная фигура – гладкая, лишённая углов. Неужели всё так?!

Я смотрю на своего собеседника: немолодой, взгляд вглубь себя, создаёт впечатление отстранённости. Так нельзя, нельзя! Надо что-то сделать, и я начинаю говорить.

Это был старый московский двор. Дома построили ещё до войны, они стояли плотным каре, отгораживая свой тихий внутренний мир от внешнего – беспокойного и немного чужого. Всё это напоминало крепость, даже проходы во двор были сделаны в виде арок, по которым теперь гулял ветер, а прежде можно было бы закрыть воротами. Двор был довольно пуст: кочегарка с трубой, чем-то напоминавшая Дон Джонс, кусты жасмина и сирень. Из-за глубокой тени они плохо цвели и всё больше разрастались, раздражая заботливых мамаш, выглядывающих из окон: куда подевались их дети? Дети, сначала играя, прятались за ширмой этой городской зелени, а позже, повзрослев, тайком целовались. Потом имели своих детей, как это и бывает в старых дворах. Кто-то из них посадил деревья – клён и берёзу, – и те шумели своей молодой листвой, стараясь наперегонки достичь солнца.

Как-то раз весной дворник красил скамейки, налепляя поверх краски лист бумаги с пугающей кривизной букв надписью «Окрашено». У него оставалось немного зелёной краски, он поискал глазами, что ещё можно было бы покрасить в зелёный цвет, и не нашёл. Неожиданно совсем рядом он заметил лёгкую весёлую тень поднявшихся деревьев, которых будто бы не замечал прежде. От этой танцующей тени или от чего-то ещё в нём пробудилось нечто, что можно назвать вдохновением, а он позже определил как блажь. Дворник обмакнул кисть в краску, усмехнулся своей странной идее и обвёл по контуру тень деревьев, лежащую на асфальте перед ним. Время было к полудню, солнце стояло высоко, тень была не слишком велика, и краски хватило. Теперь, проходя через двор, дворник замечал, где находится тень, и когда тень опять занимала отведённое им для неё место, приходил в благодушное настроение, посещавшее его, когда всё во дворе было прибрано. Потом дворник сменился, деревья, вероятно, спилили – их разросшиеся кроны мешали жильцам, а контур тени давно не существующих деревьев на асфальте остался, удивляя всех своей абсурдностью. От времени краска запылилась, стала едва заметна, но после летнего дождя вновь проступала яркой зелёной каймой, теперь уже ничего и никого не ограничивающей.

«Кто ты будешь такой?»

Бывает же такая жизненная полоса: что ни день – всё неприятности. Вот такой оказалась поездка Петра Николаевича на этот раз. Нет, в смысле работы всё складывалось вполне и вполне удачно, ему даже удалось не испортить отношения с людьми, которых он проверял, а ведь недочёты всегда найдутся. Но Пётр Николаевич был известен именно своим умением всё уладить, оттого, верно, его чаще других коллег посылали во всякого рода командировки, а он не роптал: когда ещё посмотреть мир, как не в таких поездках по стране? Вот и ездил из конца в конец, от Чукотки до Таджикистана и обратно. В этом городке он тоже уже бывал, но чтобы такое невезение с гостиницей – это, пожалуй, впервые. Уму непостижимо, что ни ночь, то новый сосед!

– Геннадий Ильич.

С койки привстал и тут же опять тяжело на неё опустился грузный и, судя по всему, не совсем трезвый мужчина. Впрочем, сомнений в его нетрезвости быть не могло: возле тумбочки стояла полупустая бутылка какого-то вина, вероятно, местного портвейна.

– Вот, мест не оказалось, съезд какой-то, будь он неладен, меня к Вам определили, так что потерпите, завтра, может, и место найдётся.

Пётр Николаевич пожал плечами, сил бороться с администрацией гостиницы у него уже не было.

«Никогда больше сюда не поеду», – решил он и стал переодеваться: повесил на тремпель пиджак, аккуратно разгладил по стрелкам брюки, надеясь обойтись без глажки.

– Вы чиновник! Только чиновник может быть так вызывающе аккуратен, – заметил сосед, вновь потянувшийся за недопитой бутылкой.

– А чем Вам, собственно, чиновники не нравятся?! Без них, знаете ли, и государства не было бы! – парировал Пётр Николаевич и уже собирался произнести пару-тройку фраз о просвещённом чиновничестве, но, глянув на соседа, понял – лучше не связываться.

– А может, и лучше, кабы вашего государства вовсе и не было, да и вас всех, кормленщиков, тоже.

Мужчина достал из тумбочки припрятанный прежде стакан и плеснул в него вина.

– Хотите? – с вызовом спросил он.

– Нет, спасибо, – отказался Пётр Николаевич. Голова у него с недосыпу гудела, и пить дешёвый портвейн совсем не хотелось.

– Ну конечно, как можно... А портвешок ничего, зря отказываетесь, – почти примирительным тоном заметил сосед.

Пётр Николаевич в своей жизни пил с самыми разными людьми: неделю пил спирт с полярными лётчиками, застряв из-за непогоды в Певеке на Чукотке, с бывшими, только что освобождёнными зэками в поезде Владивосток – Находка, с золотодобытчиками в Магадане да и просто с попутчиками где-нибудь в электричке Москва – Петушки. В России не пить было нельзя, если хотел, чтобы тебя поняли, но тут, решив, что пить не будет, уступать не стал.

– Как хотите, – пожал плечами сосед, – мне и в одиночестве не скучно.

Мужчина потряс бутылку, сливая в стакан последние капли тёмно-красной жидкости, зачем-то, вероятно для верности, глянул в просвет горлышка и, вздохнув, поставил ту возле тумбочки.

– Вижу, человек Вы некомпанейский, – произнёс он, разом опустошив почти полный стакан. – Пойду поищу кого поразговорчивей.

Нетвёрдым шагом сосед направился к двери и исчез за ней.

Оставшись один, Пётр Николаевич достал из портфеля бумаги: нужно было составить отчёт о командировке, а в один присест этого было не сделать. Он пробежал глазами несколько

страниц, попытался что-то записать, но понял, что мысли разбрелись, что овцы на косогоре, и их не собрать.

– Черт-те что! – разозлился он. – Никаких условий, точно в ночлежке. Один храпит, другой свиданки устраивает, теперь ещё и пьяница – полный набор типажей, жаль, я не Гоголь.

Мужчина сложил бумаги назад в портфель и решительным шагом направился к дежурной.

«Надо наконец покончить с этим хаосом, – решил он про себя, но, едва дойдя до поворота коридора, остановился. Там, у стола дежурной, кто-то читал стихи, да не просто читал, а вдохновенно, как может читать лишь тот, кто влюблён в поэзию, для кого она – главное. Голос чтеца был хрипловат и не слишком громок, и Пётр Николаевич рискнул выйти из своего укрытия, да и неудобно было прятаться, вдруг бы кто заметил?

При его появлении чтец, брюзгливо проговорив:

– А-а-а-а, и здесь от Вас покоя нет, черт бы Вас побрал, в самом деле!

Сосед, а это был именно он, пробурчал ещё что-то, предназначавшееся, вероятно, для дежурной, и, грубо отодвинув растерявшегося Петра Николаевича в сторону, отправился в номер, который тот только что покинул.

– Да кто он такой, чтобы хамить?! – возмутился Пётр Николаевич, подходя к дежурной. Та опять поменялась. Теперь это была женщина лет сорока – сорока-пяти, кругленькая, какая-то вся мягкая, но с недовольным выражением на лице, вероятно, постоялец помешал её планам.

– Он достойный человек, вы не смотрите, что выпил, жизнь такая, вот и пьёт.

Пётр Николаевич, пришедший совсем за другим, почувствовал некую вину, точно и в самом деле был виновен в том, что жизнь у его соседа по комнате не удалась.

– У нас в городе съезд, номера все позанимали. Я Геннадия к Вам подселила, у Вас же всё равно две кровати, – простодушно пояснила дежурная, предвидя вопрос постояльца.

– Но... – Пётр Николаевич собирался возмутиться, однако как-то разом понял всю безнадёжность своих намерений, махнул рукой и отправился спать.

– В конце концов, если этот странный тип не храпит, то и ладно.

– Пришли? Выпить есть? – сосед явно нуждался в общении и намеревался продолжать разговор, и Пётр Николаевич сдался. По личному опыту он знал, что единственная возможность уснуть в такой ситуации – это когда уснёт сосед, а тот уснёт, пожалуй, после первой же рюмки коньяка, а иначе... Думать о том, что будет иначе, ему не хотелось, и Пётр Николаевич достал из портфеля небольшую фляжку дагестанского, припасённую на всякий случай.

– У, что мы пьём, понятно, не нам чета, – съёрничал сосед, но глаза у него загорелись.

Пётр Николаевич неторопливо откручивал крышку, ему хотелось немного потянуть время и разговаривать соседа, особенно после того, как он услышал, как тот читал.

– Что Вы там дежурной читали? – спросил он как бы между прочим.

– Слышали же, Блока, что ещё пьяный мужчина будет читать влюблённой в него женщине? – хмыкнул тот.

– Может, прочтёте что-нибудь? – сам себе удивляясь, попросил Пётр Николаевич.

– Надо ж, чиновник, а стихи любит – парадокс, – ехидно заметил сосед, но тут же примирительно добавил, видя, что сосед медлит наливать коньяк: – Ладно, только не Блока, Вы ж не женщина, – собственная шутка его явно позабавила, и он окончательно пришел в хорошее расположение духа: – Вот, слушайте.

Сосед вдруг посерьёзней, даже хмель с него будто слетел, он облокотился о подушку и, глядя в тёмный квадрат окна, стал читать. Вероятно, прежде у него был неплохой баритон, теперь голос осип, был хрипловат, но звучал всё ещё приятно. Читая, мужчина преобразился, внутренне подобрался, да и взгляд у него стал совсем иной – глубокий и задумчивый. Петру Николаевичу показалось, что сосед считывает строки, бегущие по стеклу, как по экрану компьютера, но ночное окно было совершенно темно и непроницаемо.

Прочтя пару стихотворений, сосед замолчал, глянул на фляжку в руках застывшего Петра Николаевича и спросил:

– Разливать-то будете?

Пётр Николаевич извинился и разлил коньяк: налил на три пальца – не от скупости, просто теперь ему совсем не хотелось, чтобы этот странный человек уснул, – хотелось слушать, как он читает.

– Чьи стихи Вы читали? Я никогда их не слышал.

– Немудрено, я и не печатался, где ж Вам было прочесть? – откликнулся мужчина, беря стакан.

– Так это Ваши?

Пётр Николаевич растерялся, да и было отчего: БИЧ, пивший в одиночку портвейн, когда он пришёл, был поэтом, и не просто каким-то там, а поэтом от Бога. Его пронзительные стихи волновали, они были полны грусти, даже тоски, но никак не отчаяния.

– Но... как же так, как же Вы... – Пётр Николаевич хотел сказать «дошли до жизни такой», но смутился.

– Вас интересует, как я стал вот таким? Жизнь, знаете ли, не тётка, встретил таких, как Вы, чиновников...

Сосед отпил большой глоток коньяка.

– А я ведь диссертацию уже защищал, мысли всякие имел... Ан нет, один случайный бездарь – и всё: диссертацию не защитил, из института попросили – и вот я перед Вами как голенький.

Он шутовски раскланялся, но в этом его пьяном шутовстве была такая горечь, такая обида на человечество, что Петру Николаевичу вдруг стало стыдно и за себя, так пренебрежительно думавшего о нём ещё несколько минут назад, и за того неизвестного чиновника, сломавшего ему жизнь.

– Но Вы же поэт, настоящий поэт, разве так можно – разбазаривать свой талант?! – не сдержался он, повысив от волнения голос.

– Талант?! Да бросьте Вы это, кому в нашем отечестве талантливые люди нужны, где Вы такое видите?!

Сосед залпом допил коньяк, его развезло: он стал говорить медленнее, с ударением на каждом слове, потом это перешло в малопонятное бормотание, и последним, что разобрал Петр Николаевич, было:

– А всё-таки странно: чиновник, а вот надо же, душа вроде у него есть.

После чего сосед откинулся на подушку и заснул, негромко похрапывая.

Утром, когда Пётр Николаевич уходил, сосед ещё спал, выражение лица у него было светлое и какое-то абсолютно счастливое, словно ему снилось что-то очень хорошее.

Вернувшись вечером, Пётр Николаевич, весь день лелеявшей мысль продолжить прерванный разговор с соседом, не обнаружил того в номере. На его вопрос: «Куда делся Геннадий Ильич?» – дежурная, не поднимая глаз от бумаг, буркнула: «Выселили его».

Концерт Шуберта

Концерт вот-вот должен был начаться, прозвенел первый звонок. Стало ясно, что Нина не придёт, а ведь именно ради неё он купил билеты на этот концерт, хотел доставить ей удовольствие, зная, что она любит классическую музыку и сама неплохо музицирует.

«Идти – не идти?» – мужчина колебался. Уходить просто так, проторчав перед филармонией битых полчаса, казалось глупо, пойти? Но ведь он не так чтобы любил Шумана, да и Шуберта, разве только Шопена... Все три композитора, исполняемые сегодня, были на одну букву, и это показалось ему значимым.

– Пойду! – решил Михаил Андреевич и, скользнув взглядом по суетящимся у входа в филармонию претендентам на лишний билетик, отдал его молодой особе, судя по всему, провинциалке, не решавшейся приставать с вопросами к счастливым обладателям билетов. Отдал просто так, повернулся и, не оглядываясь, прошёл внутрь. У него, правда, мелькнула мысль отомстить Нине и завести какую-нибудь интрижку, а провинциалочка вполне подходила для такой роли.

Первым исполнялись «Симфонические этюды» Шумана. Михаил Андреевич слушал, думая о каких-то неоконченных делах, и осознание того, что ему никак не удаётся сосредоточиться на музыке, его раздражало. Он видел напряжённую спину пианиста, следил за его руками, то стремительно бежавшими по клавиатуре, то вдруг взлетающими вверх – и опять устремлявшимися, точно чайки в море, в пучину звуков. Его поражала техника исполнения, но не сама музыка. Мужчина повернул голову направо, туда, где, вероятно, должна была сидеть Нина, а теперь, затаив дыхание и впитывая в себя каждый звук, сидела другая женщина.

«Пожалуй, после концерта её можно будет проводить до гостиницы», – мимоходом подумал он.

Объявили 5-ю симфонию «Си-бемоль мажор» Шуберта. Михаил Андреевич облокотился на левый подлокотник кресла, выбрав то положение, при котором ему удобнее было наблюдать за соседкой, и тут вдруг почувствовал, что поверх его руки легла другая, лёгкая и трепетная рука женщины. Сначала он хотел убрать свою руку и извиниться, но не решился: рука незнакомки слева, видеть которую он не мог, была рукой то ли пианистки, то ли весьма эмоциональной особы – её пальцы двигались в такт музыке, точно это она её исполняла. Михаил Андреевич замер. Женские пальцы то трепетно и нежно, то требовательно и настойчиво касались его руки, заставляя не только слушать, но и ощущать волнующую музыку Шуберта. Музыка завораживала его, теперь ещё и на совершенно неожиданном тактильном уровне соприкосновения, переполняя чувством счастья. Ощущая энергию женских пальцев, их жар, их нетерпение, он и сам был уже захвачен страстью, которую вложил в свою симфонию Шуберт, а теперь его заставила почувствовать незнакомка.

Музыка оборвалась неожиданно. Медленно зажёгся свет. Женская рука, только что лежавшая на его руке, непринуждённо вспорхнула, и Михаил Андреевич услышал, как женщина аплодирует исполнителю. Он немного повернул голову влево, желая увидеть ту, чьё волнующее тепло он только что ощущал. Совсем юная, почти что девочка, она хлопала, не боясь отбить ладоши, и время от времени с восторженной улыбкой поглядывала на молодого человека, вероятно её спутника, Михаила Андреевича она не замечала.

Колька +

Надписи появлялись будто сами собой: «Колька + Вика = любовь». Сначала на стене сарая, потом на площадке возле дворовой клумбы и, наконец, на асфальте перед подъездом. Колька остервенело шамкал ботинками по асфальту, боясь, что не успеет стереть. Мысль о том, что приятели увидят эту дурацкую надпись и поднимут его на смех, была непереносима.

– Кто ж это пишет?! – обида не давала мальчику сосредоточиться и подумать.

– Санька, ты писал?! – налетел он на приятеля, как только тот появился во дворе.

– Что писал? – не понял тот.

– На асфальте про нас с Викой.

– Дурак, что ли? – Санька выразительно покрутил пальцем у виска. – Надо мне очень...

«Значит, это не пацаны, тогда кто?!» – ломал голову Колька.

Вика переехала к ним в дом совсем недавно – тихая, с двумя аккуратно заплетёнными косичками, она выходила утром во двор, садилась на скамейку и читала.

– Воображала! – констатировал Санька, увидев её впервые.

– Отличница, – добавил Лёнька, – гляди, читает!

Кольке девочка понравилась – не похожая на других знакомых ему, в ней чувствовалась спокойная уверенность, перед которой пасовали все, даже задиристый Санька.

– Что читаешь? – Колька решился подойти к новенькой не сразу, да и то сделал вид, что случайно оказался рядом.

Девочка подняла мечтательный взгляд от книги. Глаза у неё были голубые с большими чёрными зрачками и очень серьёзные.

– «Чёрную стрелу» Стивенсона, – она показала обложку книги.

– Я уже читал! – с гордостью сообщил Колька.

– Тебе нравится Стивенсон? – Её взгляд выражал то ли удивление, то ли любопытство, и это его разозлило.

– Спрашиваешь, – хмыкнул мальчик. – Ты сама-то «Айвенго» читала?

– Ещё нет, – спокойно призналась девочка, вероятно, не почувствовав себя задетой.

– А я читал, я всего Стивенсона прочёл! – начал было хвалиться Колька и осёкся под насмешливым взглядом девочки.

– Всего-всего? Все триста томов?

Колька смутился, он как-то не предполагал, что кто-то столько может написать.

– Нет, те, что в библиотеке были, – буркнул он, чувствуя, что его щёлкнули по носу.

– Вот не ожидала, – девочка опять улыбнулась, но теперь уже без иронии. – А я думала, что ты как они, – она кивнула в сторону галдевших ребят, игравших в ножички.

«Прав Санька – воображала», – подумал Колька, и в то же время ему было приятно оттого, что она выделила его из всех дворовых ребят, он даже почувствовал некоторую гордость.

– А как тебя зовут? – спросил Колька, не придумав ничего другого и решив, что по большому счёту девчонка ничего себе.

– Вика, – откликнулась та, – а тебя Коля, я знаю.

Колька покраснел: Колей его называла только мама.

«Надо же, какая наблюдательная, – подумал он, – сидит себе и сидит на скамейке, а оказывается, всё слышит, девчонка, они все такие».

Через день они опять встретились во дворе. Вика уже прочитала «Чёрную стрелу» и теперь читала Майн Рида.

– «Всадник без головы», – угадал Колька, едва глянув на обложку. – Я читал, классная книжка!

– Мне тоже нравится, страшно только, – призналась Вика и вдруг спросила: – А кто этот всадник?

Колька почесал затылок, думая, стоит пойти играть с ребятами в чижа или остаться. Любопытство, с которым на него смотрела девчонка, подкупало, и он остался.

– Кто-кто, ясное же дело, – мальчик начал рассказывать не торопясь, но тут же сам увлёкся и через некоторое время уже размахивал руками, целился из мнимого пистолета и вообще чувствовал себя подлинным героем. Девочка смотрела на него заворожённо, и от этого её внимания Колька почувствовал такую гордость, какой он никогда прежде не испытывал, даже когда рассказывал что-нибудь ребятам.

Встретились они с Викой и на следующий, и на другой день. Кольке было интересно разговаривать с ней, девочка много знала и ничуть при этом не задавалась, как ему показалось поначалу.

Ребята относились к их дружбе снисходительно, особенно не дразнили, разве только кто заметит между прочим: «Во, парочка пошла». Кольку это особенно не беспокоило, и они с Викой продолжали дружить, а чтобы не привлекать к себе внимание дворовой компании, уходили в соседний сквер, где стояли скамейки, или ещё дальше, на бульвар.

– Смотри, сын-то как переменялся, вырос, что ли? – услышал Колька как-то раз разговор родителей.

– Сама не пойму, в чём дело: в футбол до упаду не гоняет, читает. Всю школьную программу уже прочёл...

И тут эта надпись – «Колька + Вика = любовь».

– Кто же её написал?!

В один из дней Колька проснулся раньше обычного и, немного помаявшись дома, выкатился во двор. Двор был пуст. На вытоптанной траве ещё блестела ночная роса, в кустах разросшегося жасмина щёлкала какая-то птица, ожидая, когда солнечные лучи дотянутся и до неё. И тут Колька заметил новую надпись. Большими печатными буквами мелом на тёмных воротах гаража уже было выведено «Колька +».

Мальчик бросился к писавшему, схватил за плечо и что было сил развернул к себе.

– Нинка?! Это ты?! Ты всё это писала, да?!

Колькой со злостью тряс девчонку за плечи:

– Ты зачем это делаешь, дура?!

Нинка, бледная, насмерть перепуганная, молчала, и вдруг крупные слёзы потекли по её щекам, и тут её прорвало:

– Ну я, я писала... А ты зачем с ней?! Я же тебя люблю, а ты с ней!..

Она выкрикивала слова беспорядочно и зло, словно те ей мешали.

Колька растерялся, такого он не ожидал. Маленькая Нинка, рыжая, с вечно торчащими в разные стороны непослушными волосами – и тут на тебе.

– Я всегда тебя любила, всегда! А она только приехала – и ты, предатель!..

Выкрики сменились рыданиями, и Кольке вдруг стало её жалко.

– Ну ладно, ладно, не реви. – Он отпустил её плечи и, не зная, куда деть свои руки, засунул те в карманы.

– Я думала, ты со мной дружить будешь, а ты... – Нинка опять всхлипнула, правда, уже не так громко.

– Перестань реветь!

Пальцы нащупали завалившийся в кармане носовой платок, Колька достал его и протянул девчонке.

Нинка вытерла слёзы. Лицо её порозовело, сквозь полупрозрачную кожу у виска была видна пульсирующая жилка. Прядки вьющихся рыжих волос падали на лоб.

«Симпатичная...» – вдруг подумал Колька, сам удивляясь этой своей мысли.

– Будешь со мной дружить? – Нинка чисто по-женски уловила колебания в душе мальчика.

– Ты правда меня любишь?

О любви было написано во всех тех романах, которые Колька читал, но слишком туманно и неопределённо. И вот теперь он услышал это от девочки, и ему хотелось, чтобы она это повторила.

– Я всегда тебя любила! – с жаром произнесла Нинка, и у Кольки ёкнуло сердце. – Та, новенькая, – она же только книжки любит, а не тебя! – выставила последний свой аргумент девочка. – А я – тебя.

Упоминание о Вике смутило мальчика, и он готов был уже пойти на попятный, но Нинка в упор смотрела на него своими зеленовато-кариими глазами, в которых так и вспыхивали странные нетерпеливые огоньки.

– Будешь со мной дружить?!

– Буду, – сдался Колька.

– Тогда ты той, задаваке, скажи, что со мной теперь дружишь, – наставляла приятеля Нинка. – Пусть одна сама книжки читает. Тоже мне умная – только приехала, а уже...

Часам к десяти во двор вышла Вика.

– Ну что, пойдём погуляем? Я вот что раздобыла, читал? – она показала ему книгу.

Боясь встретиться с Викторией взглядом, Колька смотрел на воротничок её платья – белый с маленькими кружавчиками по краям.

– Я сегодня не могу, – произнёс он неуверенно.

– Не можешь или не хочешь? – переспросила Вика.

«И почему это нельзя дружить с двумя девочками?» – с досадой думал Колька, заставляя себя держать чертову паузу, сказать ему больше было нечего.

Не дождавшись ответа, Вика повернулась, чтобы уйти:

– Если что, я в сквере, ты знаешь.

С Нинкой было весело: она оказалась заводилой в дворовых играх и лучше всех знала те тайные места, где можно было спрятаться. Да и была Нинка своей в доску. Ребята вроде ничего и не заметили, лишь по хитрой Лёнькиной физиономии можно было догадаться, что это не так.

Июнь пролетел незаметно, в июле Колька уехал к бабушке в Коломну и вернулся лишь к школе. Нинка уже дружила с Петькой из параллельного класса и на него не обратила никакого внимания. Вика с мамой куда-то переехали, но никто не знал, куда именно. Колька оказался предоставленным самому себе.

– Может, в шашки? – неожиданно предложил Лёнька, заметив скучающего на скамейке приятеля.

– Ты что, умеешь? – удивился Колька, никогда не замечавший в том интереса к интеллектуальным играм.

– Пришлось, – Лёнька вздохнул, вытаскивая из-под рубашки чёрно-белую картонную доску и коробку с шашками. – Я теперь с Наташей дружу с четвёртого этажа, – пояснил он, – а она в шашки играть любит.

Горошина

Её мир сжался до размеров горошины, такой, какими дети обычно плюются из трубочек, не задумываясь, что горошина – это тоже чей-то мир. Она явственно представила себя со свистом летящей в никуда. Это её не взволновало.

«Какая разница?..»

Голова болела мучительно, не давая никакого передыха. Хотелось залезть под одеяло, закрыть глаза, исчезнуть. У того, кого нет, голова болеть не может.

Женщина приоткрыла глаза. В прикрытых до максимума жалюзи отошла одна ламель, и полоска света, проникая комнату, стремилась достичь противоположной стены. Она была нестерпимо яркой. Всё прочее было погружено в сумерки, и можно было считать, что ничего нет, только сумрачная пустота, но эта полоска... Она была. Она раздражала. Она требовала какого-нибудь ответа.

«Надо бы подняться и поправить ламель...»

Мысль была банальной, но заставить свой мир поменять плоскость казалось совершенно невозможным. Она и полоска света существовали в параллельных мирах.

Женщина вновь закрыла глаза.

«Да, так лучше, уютней, можно представить себя в утробе матери. Чушь, конечно! И мамы-то давно нет... Вот и меня не будет, не будет этой проклятой изнуряющей боли, обезволившей меня, доведшей до состояния – ничто».

Женщина лежала тихо, стараясь забыться сном, где-то между явью и неявию. Мысли были, совсем коротенькие мысли, даже не мысли, а их тени, которые беспомощно копошились, стараясь пробиться к жизни, и не могли. В голове была одна ломящая боль.

«Заснуть, надо заснуть и не просыпаться...»

Заснуть что-то мешало, что-то назойливое.

Веки были тяжёлыми, словно не её, но она сделала усилие и приподняла их.

«Опять эта полоска. Придвинулась ещё ближе, живая она, что ли?»

Женщина протянула руку и коснулась полоски света, лежащей на одеяле, – кожа вспыхнула и засветилась, будто её подсветили изнутри. Женщина повернула руку ладонью вверх. Теперь солнечная полоска оказалась у неё в руке. Она с силой сжала руку, надеясь смять эту назойливую полоску. Свет не исчез, он переместился и лёг поверх её пальцев, точно приглашая поиграть в какую-то давно забытую детскую игру.

«Надо встать и поправить жалюзи», – подумала женщина, страхивая солнечную полоску и поднимаясь...

До окна всего несколько шагов, она это хорошо помнила, а кажется, что бесконечно далеко, точно преодолеть нужно было не пространство, а время, ставшее теперь тягучим и вязким, время, в котором она бесконечно мала, как и её мир-горошина.

«Ну вот, ещё чуть-чуть – и я опущу эту ламель...»

Женщина протянула руку к окну и замерла – сквозь щель в жалюзи, словно в фантастическом алефе, она увидела разом всё: улицу, по которой шли люди и бежали дети, парк с прудами и летящими, отяжелевшими за лето утками, шпиль речного вокзала и канал, а там дальше опять дома. Она увидела удивительно глубокое синее небо и крошечное облачко, непонятно откуда там взявшееся. Увидела белоснежную полоску от серебристого крестика самолёта и саму себя, отражённую в стекле окна.

Что-то случилось. Её мир, летевший горошиной неизвестно куда, замер и вдруг начал расти, вбирая в себя всё: запахи, звуки, свет – всё, что она совсем недавно отторгала, теперь вливалось в него, втягивалось, точно в вакуум. И это новое рождение её мира было так удивительно, так великолепно, что она обо всём забыла.

Железнодорожный перегон

Вадиму едва исполнилось двадцать пять, а он уже окончил МИИТ и учился в аспирантуре, занимаясь усовершенствованием механизма для автоматического перевода железнодорожных рельсов. Из Москвы Вадим никогда не выезжал, а тут потребовались опытные испытания прибора, над которым он работал, и для эксперимента был определён заштатный прогон в стороне от магистральной линии. До железнодорожной станции молодой человек добрался на поезде, потом пришлось идти пешком по шпалам, другой дороги не было, кругом плотной стеной стоял лес. О том, где и как он станет дожидаться прохода следующего поезда, чтобы проверить показания своего прибора, Вадим не подумал: он слишком волновался по поводу эксперимента. От результатов испытаний зависело многое, в том числе и его научная карьера.

– Милок, ты чего это здесь?

Вадим, занятый подсоединением прибора, мельком глянув через плечо и заметив укутанную в тулуп фигуру, так что трудно было понять, мужик то или баба, раздражённо бросил:

– Не мешай, видишь, работаю!

– Ты ж замёрзнешь, холодно нонче...

– Не мешай! – он обернулся, намереваясь что-то добавить, но, разглядев под клетчатым платком миловидное женское лицо с румянцем во всю щёку, сдержался.

– Я по делу, прибор устанавливаю... – ему было неловко за свою грубость.

– Замёрзнешь ведь в этом вот, – она ткнула варежкой в его демисезонное городское пальто.

– Нет, я сейчас уже закончу... Вот подсоединю и всё, – откликнулся Вадим.

– Я вон там, – женщина махнула куда-то в заснеженное пространство, – видишь, окошко светится, обходчица я. Замёрзнешь – заходи, печь у меня там.

Вадим машинально кивнул, продолжая возиться с прибором.

Было холодно, сыро, да ещё северо-западный ветер мёл снежной позёмкой вдоль железнодорожного полотна, пронизывая лёгонькое пальто насквозь.

Никакого другого жилья рядом не наблюдалось, и Вадим, едва закончив работу, побежал к домику обходчицы.

– Живой?! – радостно приветствовала его та.

Внутри домик был крошечный, не развернуться, но жарко натопленный и с мороза казался даже уютным. На столе стояла тарелка с тонко нарезанным салом, ломтями хлеба и бутылкой чего-то мутного.

– Садись поешь, чай, оголодал.

Немного отогревшись, Вадим рассмотрел женщину: та была молода, хотя работа обходчицы её и огрубила.

– Ты ешь, ешь, не стесняйся, намёрзся ведь. Вот, выпей, – женщина пододвинула к нему стакан. Вадим, не раздумывая, выпил самогона, его знобило. – Ночевать-то как будем?

– Да я же, – начал было он, – мне за прибором надо следить...

Хмель уже ударил ему в голову, по телу разлилось приятное тепло, ноги плохо слушались, и хотелось просто закрыть глаза, не думая, что да как.

– Поезд-то в полшестого, ты уж и выспаться успеешь, – говорила женщина, наливая ему и себе ещё по полстакана.

Как его уложили в кровать, он не помнил, слышал только сквозь забытьё, как причитала обходчица, помогая ему раздеваться:

– Радость-то какая, молоденький совсем, надо ж, радость-то...

Среди ночи Вадим проснулся, хотелось пить. Женщина не спала.

– Там вода в ведре у двери, а оправиться – снаружи, – предупредила она.

Вадим выскочил на минуту в темноту беззвёздной ночи, холодный ветер ожёг лицо, охватил всего, заледенил.

– Иди сюда, милоч, иди скорей, согрею.

Постель была тесна, от женщины пахло луком, самогоном и ещё чем-то невероятно родным, узнаваемым на каком-то генном уровне. Жар женского тела был так притягателен, сопротивляться ему не было никаких сил.

– Не бойся, ты не бойся, – мягкие женские губы касались его лица, волос, глаз...

Вадим проснулся, когда сквозь маленькое оконце путевой сторожки пробивался мутноватый утренний свет. Постель была пуста, в домике никого не было. Он наскоро оделся и тут заметил записку: «Еда на столе, поешь».

Торопливо съев всё, что было заботливо оставлено ему путевой обходчицей и было удивительно вкусно, он побежал к стрелке. К его радости, прибор показывал всё как надо, а это значило, что эксперимент удался.

– Получилось, получилось! – заорал Вадим что было сил, чтобы всё вокруг слышало – у него получилось. Думая лишь о том, чтобы поскорее сообщить о результатах эксперимента научному руководителю, он бросился бежать в сторону станции, но вспомнив, что железнодорожная станция далеко, пошёл медленнее, перескакивая со шпалы на шпалу. Его лихорадило, он вновь и вновь повторял, словно всё ещё не веря своему успеху: «Получилось, у меня всё получилось!»

Где-то позади него, возле самого леса, белел занесённый снегом домик путевой обходчицы.

Родная кровь

Город походил на декорации, да и не город это уже был – тень города. Именно на бесформенные, страшные своей иррациональностью тени были похожи руины зданий. Там, где устояли, не рухнули стены, зияли пустыми глазницами прежние окна. Кое-где совсем по-мирному на сквозняке колыхались чудом сохранившиеся занавески.

«Надо же, – думал Михаил Львович, – людей нет, квартиры нет, стены обвалились, одни бетонные перекрытия да лестничные пролёты, точно могильные памятники, а занавески есть. Что это я? Не до сантиментов теперь, отвлечёшься на такую ерунду – и готово, снайпер того и ждёт. Сколько ребят уже полегло желторотых, жить бы им да жить...»

Михаил Львович скосил глаза на Бориса, тот шёл рядом, почти касаясь его плечом. Другой паренёк, чуть постарше, шёл слева. У каждого была своя задача – отслеживать прячущихся среди развалин боевиков, те, точно шакалы, время от времени возвращались. Патруль состоял из троих: двое рядовых и один званием постарше, да и возрастом. Шли молча, не разговаривая.

Шурка задел сапогом кусок шифера. В гулкой тишине мёртвого города звук показался невероятно громким. На мгновение даже показалось, что город ожил, жадно ловя тёмными ртами развалин случайное эхо. Патруль замер – трое маленьких беззащитных людей против призрачных чудовищ. Борис сжал автомат, шаря глазами по провалам окон.

«Молодец, быстро отреагировал, а я-то думал, опять мечтает – не его это дело – война. Ему бы в Литературный, как он и собирался...»

Михаил Львович строго взглянул на Шурку, тот взглядом показал, мол, виноват, недосмотрел.

Капитан обвёл глазами улицу – поздние зимние сумерки не давали увидеть её всю, только два-три ближайших дома, а там... там неизвестно что. Об этом лучше было не думать. Вообще лучше не думать: мысли отвлекают. Только поди попробуй не думать, да ещё когда рядом Борис, так похожий на свою мать. В нём столько ещё её нежности и мечтательности. Война, конечно, всё это сотрёт, здесь взрослеют быстро, если, конечно, успевают...

Михаил Львович вздохнул, стараясь не выпускать из поля зрения окна ближайших зданий, тревожно замерших в ожидании рассвета. Это у него происходило почти автоматически, выработалось в Афгане, он ведь тоже туда совсем молодым попал, постарше, конечно, чем Борька, после института и с лейтенантскими погонами. Хлебнул всякого: ранен был, в плену, правда недолго, повезло. Когда комиссовали, ещё хуже стало: то ли он так переменился, то ли мир, но делать ему в том чужом мещанском мире было равным счётом нечего. Хотел даже пулю себе пустить, так бы, наверно, и сделал, да и не он один. Женщина спасла – мать Бориса, Людмила, она психологом работала, и он к ней не ходил – не хотел, чтоб у него в голове копались, порядок устанавливали, у него свой порядок, он его выстрадал, этот порядок! А потом так случилось, что пришлось зайти, иначе комиссия не принимала, и вот что его удивило: доктор ничего не пыталась менять, а ведь изменила, к жизни, можно сказать, вернула. Как-то незаметно стала самым близким человеком, он-то и думать не мог, что способен любить и быть счастливым вот так, совсем по-мирному, со всеми незаметными для обычного человека, повседневными радостями и пустяками.

Борис был ещё маленьким, отца не помнил, вот и стал Михаила Львовича отцом называть, а он не возражал.

Всё было хорошо, Борис вырос, закончил в школу, хотел поступать на филфак университета, стихи писал. Потом вдруг решил в Литературный, но не успел подготовиться, а тут призыв. Михаил Львович считал, что, может, и к лучшему: возмужает пасынок в армии, разберётся в самом себе.

Когда Людмила узнала, что Бориса посылают в Чечню, ничего не сказала, только стала как потерянная. Михаил Львович пытался её успокоить, только как успокоишь? Мать сердцем беду чувствует. Вот тогда он и пошёл в военкомат, попросил, чтобы призвали. Отказали: по возрасту, мол, не подходишь, отслужил своё да и комиссован. Потом майор в военкомате совет дельный дал – и вот он в Грозном. Людмиле так спокойней, да ему тоже – Борька ему сын.

Из развалин справа невесть откуда взявшийся голубь вспорхнул на грудку кирпичей, отряхиваясь, людей почуял.

«Чтоб тебя, – выругался про себя Михаил Львович, опуская автомат. – Чуть было не выстрелил. Надо же, война, а птахе дела нет. Едва стрелять перестали – и вернулась, то же и люди, неистребима их тяга к дому.

Голубь гугукнул, словно в подтверждение его мыслей. Мирно так гугукнул, и всё же что-то в этом привычном гугуканье было ещё, а может, показалось, звук какой-то...

Михаил Львович перевёл взгляд налево и, в долю секунды заметив, как что-то блеснуло в тусклом февральском утре, шагнул вперёд, интуитивно прикрывая пасынка. Хлопка слышно не было, казалось, Михаил Львович просто споткнулся. Автоматная очередь, выпущенная Борисом по грудке кирпича, подняла фонтанчики красноватой кирпичной пыли. В сереющее небо взлетел перепуганный выстрелами сизарь и тут же исчез в проёме мёртвого окна.

Портрет любимой женщины

Портрет, её портрет, я заказал его вскоре после того, как она уехала. Всё никак не мог забыть её, даже запил. Потом попытался забыть голод по этой женщине встречами с другими, надеялся, что поможет, – не помогло. Жена подала на развод, и мы развелись. Вот тогда, оставшись один в квартире и не зная, кому излить свои чувства – обиду, злость, непроходящую страсть, да-да, именно страсть, необъяснимую и непонятную мне самому, что уж говорить о других, – я и заказал этот портрет. Пошёл к знакомому художнику, попросил написать. Фотографии у меня не было, попытался что-то объяснить словами – получилось плохо.

– Знаешь что, Вадик, – в конце концов не выдержал мой приятель, – ты лучше в следственный комитет обратись, у них там есть спецы, они вот по таким отрывочным данным и составляют портреты. Ну, знаешь, из той серии – «Кого разыскивает полиция».

– Так мне же портрет нужен, а не схема, да и кто там со мной станет говорить? Пошлют куда подальше и всё.

– У меня есть знакомец, учились когда-то вместе, он, правда, с третьего курса ушёл. Попрошу, поможет.

Я решил, что приятель просто захотел от меня избавиться, разозлился, конечно, но телефон взял и позвонил.

Парень оказался ничего, дотошный, спрашивал о каждой чёточке, точно пазл собирал. Я думал, всё, кранты, не выдержу. Ну представляете, когда у тебя выпытывают: «Губы какие? Узкие, полные, верхняя выдаётся или нижняя? Поджигает ли? Прикус правильный, неправильный?!» Ну разве нормальный мужик о прикусе думает, когда женщину целует?

А он опять: «Глаза – цвет, форма, близко посажены или широко? На одном уровне или, может, один глаз выше или прищурен? Уголки подняты или опущены? Веки и т. д. и т. п.» В общем, меня уже мутило, когда он мне свой рисунок передал, тот, что всё-таки составил по моим сбивчивым пояснениям. А когда я его произведение увидел, так и вовсе чуть не вырвало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.